

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

СПЕЦНАЗОВЕЦ
ТОЧКА ДИСЛОКАЦИИ

Спецназовец

Андрей Воронин

Спецназовец. Точка дислокации

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спецназовец. Точка дислокации / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Спецназовец)

ISBN 978-985-18-3696-9

Бывший боец спецназа ГРУ Юрий Якушев и его боевые друзья принимают предложение своего бывшего командира выполнить заказ одного бизнесмена – разыскать его бесследно исчезнувшего друга. Вместе со своим командиром они снова на Северном Кавказе, в привычной обстановке, где снова востребованы их сохранившиеся навыки, их бесстрашие и полное доверие друг другу. Но неожиданный поворот событий дает основания подозревать, что их кто-то подставил, кто-то предал. Неужели этот «кто-то» – один из них?..

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3696-9

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Воронин

Спецназовец. Точка дислокации

© Подготовка и оформление Харвест, 2011

Глава 1

Ночью выпал первый снег, и сейчас, в одиннадцатом часу утра, низкое небо продолжало хмуриться, будто в раздумье: добавить еще или пока хватит? До календарной зимы оставалось почти полтора месяца, и несвоевременно разостланное по земле снежное покрывало прямо на глазах теряло цвет, становясь из белоснежного сероватым, полупрозрачным, оседало, рвалось, просачиваясь в почву каплями ледяной влаги и обнажая островки жухлой, усеянной опавшими листьями травы, черной пашни или рыжей глины. Талая вода капала с ветвей деревьев, иные из которых все еще упрямо зеленели, меж мокрых стволов неподвижно стоял сероватый туман. Капли шуршали в оголившемся подлеске, и этот множественный шорох напоминал несмолкаемый таинственный шепоток. Все это походило на раннюю весну, но настроение было отнюдь не весеннее: его отравляло привычно-тоскливое ожидание долгой слякоти и еще более продолжительных холодов, особенно неприятных для людей, по роду своей профессиональной деятельности вынужденных часто и подолгу находиться на открытом воздухе.

Парочка как раз таких субъектов обреталась сейчас на обочине полупустой трассы регионального значения, в том месте, где она пронзала насквозь средних размеров лесной массив. Их транспортное средство стояло в нескольких метрах от перекрестка со второстепенной дорогой. Это был основательно забрызганный грязью сине-белый милицейский «форд» с выключенными огнями и проблесковыми маячками. Обычно машина, которая, перекосившись набок, стоит у кромки придорожных кустов, будь то замызганный грузовик, рейсовый автобус или самая шикарная иномарка, выглядит сиротливо и заброшенно, как севший на мель корабль. Это относится ко всем автомобилям, особенно в такую вот пасмурную, слякотную погоду, и из этого железного правила существует одно-единственное исключение: автомобили дорожно-патрульной службы. Эти, в какой бы части света ни происходило дело, неизменно выглядят хищно припавшими к земле, затаившимися, как выслеживающая добычу рысь или тигр-людоед. Даже после лобового столкновения с самосвалом или грузовым железнодорожным составом смятая в лепешку машина ДПС напоминает не разбитый автомобиль, а мертвого хищника – того же тигра, к примеру, который, не дав себе труда хорошенько подумать, напал на слона или носорога.

То же относится и к людям, разъезжающим на этих броско окрашенных автомобилях с проблесковыми маячками и сиренами. Возможно, где-то за морями это и не так (по крайней мере, не совсем так), но на бескрайних просторах постсоветского пространства одетого в световозвращающую униформу человека с полосатым жезлом в руке трудно не заподозрить в корыстных намерениях и не делающем ему чести желании самоутвердиться за ваш счет. Находясь при исполнении, симпатии они не вызывают, но все признают – одни на основе здравого смысла, другие просто потому, что ничего не могут изменить в кое-как намалеванной без их участия картине мироздания, – что они необходимы так же, как необходимы хищники для регулирования численности популяции травоядных.

На посту их, как обычно, было двое. У того, что помоложе, на погонах скромно поблескивали лейтенантские звездочки; старший по возрасту, коренастый широкозаставный мужик с обманчиво простецкой физиономией местечкового балагура, был младшим по званию – ему посчастливилось дослужиться всего лишь до прапорщика. Прапорщик носил благородную фамилию Романов, и, когда самые разбитные из остановленных им водителей интересовались, не потюпак ли он царской семьи, неизменно цитировал старую кинокомедию, с самым серьезным видом произнося: «Очень приятно, царь». На лапу он при этом брал вот именно по-царски – раньше побольше, теперь, с наступлением новых времен, поменьше, но брал всегда и останавливаться не собирался.

Правда, теперь на его голову неожиданно-негаданно свалилась новая забота в виде ожидающегося переименования милиции в полицию и связанных с этим событием пертурбаций – в частности, обещанной всем без исключения сотрудникам МВД переаттестации, в ходе которой многим и многим предстояло расстаться с привычной непыльной работенкой. Прапорщик Романов служил далеко не первый год и давно укрепился во мнении, что с ним лично ничего по-настоящему плохого случиться не может, но предстоящая нервотрепка его все же беспокоила, и он, как и большинство его коллег, неизменно сворачивал на эту волнующую тему любой разговор.

– Вечно они там, наверху, что-нибудь придумают, – ворчал он, топчась около машины с радаром в одной руке и полосатым жезлом в другой. – Милиция, полиция... Как будто дело в названии! Да и название-то – тьфу! Полиция... Это кто ж мы теперь будем – полицаи, что ли? Да я с таким названием к родителям в деревню носа не покажу! Край-то у нас, слышь, партизанский, старики еще не забыли, что это за фрукт – полицай и как с ним обходиться следует. У них, поди, до сих пор винтари под стрехами хранятся, а в головах уж давно не мозги, а манная каша. Увидит, к примеру, сосед-ветеран, как я по улице в новой форме вышагиваю, решит, что немцы вернулись, достанет из погреба ППШ да как вдарит!

Он вскинул радар навстречу выскочившей из-за поворота большегрузной фуры и разочарованно его опустил: этот участок дороги, если поглядеть на него сверху, напоминал змею, издыхающую в страшных корчах от несварения желудка, и по-настоящему разогнаться машинам тут было просто негде.

До самой крыши забрызганный грязью трейлер промчался мимо, обдав их тугим мокрым ветром. Сидевший за рулем патрульного «форда» лейтенант Мальков подождал, пока рев двигателя, хлопки отсыревшего тента и громкий шорох шин по мокрому асфальту стихнут за очередным поворотом, и рассудительно сказал:

– Тебе-то что за разница? Сам говоришь – дело не в названии. Да и название это с первого дня службы при тебе. Ты на жетон свой погляди, а потом уже возмущайся.

Романов не стал смотреть на свой жетон, поскольку и так знал, что там, помимо всего прочего, выбита надпись по-английски: «Road police» – «Дорожная полиция».

– Так то для иностранцев, – резонно возразил он. – Чтоб им, немтырям нерусским, понятно было, кто перед ними. А если всех переименуют, это ж черт знает что начнется! Вот, к примеру, как я тогда стану к тебе по форме обращаться? Как раньше – «товарищ лейтенант»? Так какие в полиции товарищи? А к «господину лейтенанту» пока привыкнешь...

– Гордый, что ли? – усмехнулся Мальков, вытряхивая из пачки сигарету.

Он сидел на водительском месте боком, выставив ноги в открытую дверцу. Его румяная физиономия еще не утратила мальчишеской округлости черт, но во взгляде обрамленных светлыми пушистыми ресницами голубовато-серых глаз уже сквозила профессиональная тухлеца.

– Может, и гордый, – неизвестно на что обиделся Романов. – А может, просто не так воспитан. Семьдесят с гаком лет кругом одни товарищи были, а теперь плюнуть не в кого, кругом одни господа!

Он стал развивать благодатную тему неисчислимых социальных уродств и бедствий, привнесенных в жизнь рядового россиянина развалом Советского Союза, поражением в холодной войне и повсеместной победой оголтелого капитализма, не забывая время от времени постреливать лучом радара навстречу появляющимся в поле зрения немногочисленным автомобилям. Лейтенант Мальков курил, вполуха слушая эту привычную воркотню и рассеянно думая, что прапорщик волнуется не о том, о чем следовало бы волноваться. Хоть горшком назови, только в печку не ставь, говорят в народе. А вот Романову, если все пойдет именно так, как грозит высшее руководство, печки не миновать. С его послужным списком, не говоря уже о физической и теоретической подготовке, прапорщику переаттестацию не пройти. И если те, кто станет принимать экзамены, не будут брать на лапу, Романову в милиции не остаться.

Может, оно и к лучшему, органы давно уже нуждаются в чистке, да вот беда: каким бы хорошим ни был замысел и благими намерения, обернется все, скорее всего, тем же, чем и всегда, – наделают шуму, выбросят на ветер сколько-то там миллиардов бюджетных рублей (причем половину, как водится, разворуют), а потом благополучно спустят эту революционную затею на тормозах. Конечно, кого-то уволят для острастки, но, как водится, не тех и не за то, за что следовало бы...

Расталкиваемый пролетающими мимо грузовиками сырой воздух мягко ударял в борт патрульного «форда», заставляя машину раскачиваться и пружинисто приседать на амортизаторах. Врываясь в салон через открытую настежь для проветривания дверь, он шелестел листками ориентировок, пачка которых белела в укрепленном на передней панели держателе. Рация хрипела и бормотала под приборным щитком, и тренированное ухо лейтенанта без усилий выделяло из этой простуженной какофонии ключевые слова и фразы, скупое, но точно рисующие картину дорожной обстановки на участке, где они с прапорщиком несли службу. Пока что все было спокойно, если не считать пары мелких ДТП с минимальным ущербом, причиной которых, как водится, стали погодные условия – не до конца растаявший снег, туман и низкое атмосферное давление. За два года службы лейтенант Мальков успел насмотреться разных видов, но, положив руку на сердце, не понимал, при чем тут погода. Если твой автомобиль технически исправен и обут в соответствующую сезону резину, а сам ты трезв, собран и сосредоточен на управлении транспортным средством, немного мокрого снега под колесами и ограниченная видимость вряд ли могут стать причиной аварии. Любой нормальный водитель в России вполне уверенно чувствует себя даже на обледеневшей дороге с погребенными под метровыми сугробами обочинами, но тем не менее первые заморозки, как и первый снег, всегда собирают богатый урожай битых машин. Отсюда вывод: дело вовсе не в погоде, которая меняется постоянно, а в истинно российском разгильдяйстве, которое, в отличие от погоды, остается неизменным на протяжении тысячелетий...

В нескольких метрах от места, где патрульные остановили свою машину, из облетевших придорожных кустов торчал рекламный щит. «Спасибо за чистые обочины!» – без малого метровыми буквами было написано там. Под щитом виднелась припорошенная тающим снежком груда смятых пластиковых бутылок, обесцвеченных дождями и солнцем, размокших сигаретных пачек и прочего мусора, в разное время выброшенного из окон проезжающих автомобилей. Поскольку пепельница под приборным щитком уже была переполнена, а другого мусоросборника в пределах видимости не наблюдалось, лейтенант решил не отставать от соотечественников и стрельнул окурком более или менее в направлении щита. «Выстрел» был произведен по ветру, но расстояние оказалось чересчур велико, и окурочек, не долетев, покатился по асфальту. Мальков посмотрел на часы. До расчетного времени оставалось еще почти полчаса, и он, приглушив звук радиации, включил радио.

– ...Московский бизнесмен Игорь Шапошников в своем интервью подтвердил намерение инвестировать крупные средства в строительство перерабатывающего завода на территории Дагестана – предположительно в Махачкале, – ворвался в прокуренный салон хорошо поставленный женский голос.

– Ну и дурак, – сказал прапорщик Романов, поправляя кончиком полосатого жезла сползшую на нос шапку. – Это ж все равно что спустить бабки в унитаз. Отдал бы лучше мне, я бы ими умнее распорядился.

– Несмотря на высказываемые аналитиками опасения, – авторитетным тоном ответила на его заявление дикторша, – Шапошников уверен, что этот коммерческий проект не только поспособствует дальнейшей стабилизации обстановки на Северном Кавказе, но и принесет ощутимую финансовую прибыль. Что именно станет перерабатывать предприятие, строительство которого, по словам Игоря Шапошникова, начнется не позднее будущей весны, пока не сообщается...

– А то, – хмыкнул Романов. – Наркоту они там будут перерабатывать, никакой другой коммерческий проект в этом обезьяннике прибыли не даст. У этих, что ни построй, непременно взорвут, а наркота – это святое, на такой заводик даже у самого отмороженного джигита рука не поднимется.

Мальков протянул руку и выключил магнитола, но это не помогло.

– Я б их, гадов, стрелял, – продолжал разоряться прапорщик. – Сидит у себя в студии и врет напрапалу, чего сама не знает...

– Чего ты к дикторше-то привязался? – лениво возразил лейтенант. – Вот именно, сама не знает. Ей бумажку с текстом на стол положили, она и читает. Вон, – он ткнул большим пальцем через плечо, в салон, – у тебя целая пачка ориентировок на разных людей. Много ты знаешь, кто из них прав, а кто виноват? Твое дело – задержать нужного человека, а черт он или, наоборот, ангел, пусть суд разбирается.

– Да, уж они разберутся, – с огромным сарказмом протянул Романов.

– Обязательно разберутся, – заверил его лейтенант. – Особенно с твоей помощью.

Прапорщик хмуро посмотрел на него сверху вниз, но затем, решив, по всей видимости, что худой мир лучше доброй ссоры, воспринял небезобидную шутку именно как шутку, а не как выпад, направленный против его, прапорщика Романова, личных и профессиональных качеств. Он ухмыльнулся, снова ткнул концом жезла в козырек шапки, окончательно сбив ее на макушку, и утвердительно произнес:

– Вместе поможем. Куда ж они без нас-то?

– Это верно, – согласился Мальков, хорошо знавший, что ссориться с напарником, особенно таким, как Романов, – значит наживать себе лишние неприятности.

Он снова посмотрел на часы и увеличил громкость радиации. Из-за поворота показался движущийся в сторону далекой Москвы автофургон с цельнометаллическим кузовом – не то хлебовозка, не то автозак, на таком расстоянии было не разобрать. Его включенные фары тускло мерцали сквозь повисшее над дорогой сырое, наполовину состоящее из мельчайших брызг грязи марево, выхлопная труба густо дымила: преодолев крутой поворот, водитель разгонял машину, и старенький, плохо отрегулированный дизель с утробным рычанием выбрасывал в атмосферу то, что был уже не в силах переварить и обратить в энергию.

Романов бросил в сторону грузовика равнодушный взгляд. Он даже не стал вынимать из-под мышки радар: и без радара, на глаз было видно, что машина движется со скоростью, весьма далекой от разрешенной. Фургон приблизился, и стало видно, что строили его именно как автозак, хотя о его нынешнем назначении оставалось только гадать. На нем не было ни проблескового маячка, ни надписей, которыми обозначаются спецавтомобили, а сквозь забрызганное грязной изморосью ветровое стекло патрульным не удалось разглядеть ни погон, ни нашивок – водитель и пассажир были в гражданском.

Астматически хрипя и громяхая на неровностях дороги, грузовик прокатился мимо милицейской машины и вдруг, включив указатель правого поворота, свернул на обочину и остановился прямо под щитом с вынесенной авансом благодарностью за чистые обочины. Коротко проскрежетали шестерни коробки передач, глушитель в последний раз плюнул дымом, и мотор заглох.

– Это еще что? – с легким беспокойством произнес лейтенант, озабоченно посмотрев на часы. – Нужда подперла, что ли?

– Прямо у нас под носом? – усомнился Романов. – Это ж надо совсем страх потерять! Пойду гляну, чего там у них. Может, заблудились, а может, пьяные в хлам...

– Пойди глянь, – рассеянно разрешил Мальков и снова посмотрел на часы. Какое-то время у них еще было, и он не видел причин, по которым стоило бы пресекать очередную попытку прапорщика срубить пару лишних рублей «детям на молочишко».

Романов вперевалочку направился к грузовику, вертя свой жезл, как фокусник тросточку. Глядя ему вслед, лейтенант невольно вспомнил ролик, снятый камерой мобильного телефона и выложенный в Интернет каким-то анонимным весельчаком. Ролик запечатлел со спины безымянного патрульного ДПС – толстого мужика в капитанских погонах, который, заложив руки за спину, от нечего делать вертел жезлом, уморительно похожий на пребывающую в отличном расположении духа и машущую по этому случаю хвостом раскормленную дворнягу. Оставленный прапорщиком ручной радар лежал на капоте, похожий на какое-то высокотехнологичное оружие далекого будущего. Впрочем, это и было оружие, которым нельзя убить, но с помощью которого можно заставить практически любого человека расстаться с энной суммой.

Сейчас Романов в нем не нуждался. Лейтенант видел, как он подошел к кабине грузовика и деликатно постучал жезлом в окошко со стороны водителя. Окошко открылось; прапорщик что-то сказал, небрежно козырнув, и принял протянутые из кабины документы. Даже издали было хорошо видно, что документов как-то непривычно мало. Тем не менее заглянув в них, прапорщик снова взял под козырек, на этот раз гораздо более отчетливо, вернул документы водителю и, по-прежнему лениво помахивая жезлом, двинулся обратно.

– Что там у них? – спросил Мальков, когда он подошел к машине.

– Ксива у них, – лаконично и недовольно проворчал Романов, забирая с капота радар.

Вдаваться в подробности он не стал, и лейтенант предпочел воздержаться от расспросов, которые представлялись, мягко говоря, излишними. Романов – мент въедливый, и, если один взгляд на протянутое из окошка старого автозак удостоверение разом отбил у него охоту до легких денег, значит, ксива у водителя мировая – такая, что не подкопаешься. Конечно, прапорщик разглядывал ее недостаточно долго, для того чтобы быть уверенным в подлинности предъявленного документа. Но в наше время полиграфия поднялась до таких высот, что, даже поглядев в микроскоп, не всегда можно с уверенностью утверждать, что бумажка в твоих руках, будь то денежная купюра или служебное удостоверение сотрудника МВД, настоящая, а не липовая. А проявлять излишнюю придирчивость – тут, на пустой дороге, в двадцати верстах от ближайшего населенного пункта, – может оказаться делом, исключительно вредным для здоровья, независимо от подлинности ксивы. Если она настоящая, владелец, обозлившись на излишне въедливого патрульного, может устроить ему такую жизнь, что бедняге небо с овчинку покажется. А если липовая, тут и вовсе недалеко до беды: выдернут автомат из-под сиденья и покрошат дурака в капусту, чтоб неповадно было совать нос в чужие дела... Вот так-то! А вы говорите: служи по уставу – завоеешь честь и славу... Кому она нужна – посмертная честь?

Тряхнув головой, лейтенант Мальков отогнал ненужные мысли. Все это была чепуха, особенно если принять во внимание цель их пребывания на этом участке трассы. Перед ними была поставлена конкретная задача, и этот обшарпанный автозак остановился поблизости явно не случайно: это прибыли и заняли позицию те, кому лейтенант с напарником должны были в ближайшие несколько минут оказать посильное содействие.

Он снова посмотрел на часы, и в это мгновение рация под приборным щитком разразилась очередной серией хрипов, в которых Мальков без труда узнал свой позывной. Взяв из гнезда микрофон, он ответил на вызов.

– Принимайте, – прохрипел до неузнаваемости искаженный помехами голос.

– Принял, – сказал лейтенант и, вернув микрофон на место, утвердительно кивнул Романову.

Прапорщик кивнул в ответ, оправил на выпуклом животе белый ремень портупеи, шагнул с обочины на дорогу и поднял жезл параллельно земле, преграждая путь вынырнувшему из-за поворота черному «мерседесу» с тонированными стеклами, по пятам за которым следовал вместительный японский внедорожник.

* * *

Под капотом чуть слышно урчал, жадно глотая дорогой бензин, мощный немецкий двигатель. Машину едва ощутимо покачивало, под колесами на разные голоса гудела, шуршала и пела дорога. Иногда в днище с громким шорохом и плеском ударяли струи талой снеговой кашицы, за окном неслись, сменяя друг друга, неброские среднерусские пейзажи, из-за тонированных стекол казавшиеся еще более серыми и унылыми, чем на самом деле. Густая тонировка превращала неяркое утро в сумерки, и, наверное, от этого, да еще от неизбывной дорожной скуки, слегка клонило в сон.

Человек, с удобством расположившийся на податливо-мягких кожаных подушках просторного заднего сиденья, был уже не молод, но и не стар. Его короткая густая шевелюра была сплошь седой, но смуглое лицо оставалось твердым и гладким, как у бронзовой статуи древнего воителя, а взгляд черных, как пара угольков, глаз – пронзительным и острым. Определить его возраст на глаз было затруднительно; он относился к тому типу людей, что уже в двадцать лет выглядят тридцатилетними, а дожив до тридцати пяти, словно перестают стареть – по крайней мере, внешне – и остаются такими до весьма преклонного возраста. В аккуратно подстриженных седых усах усматривалась предательская желтизна, ясно указывавшая на то, что их обладатель не изнуряет себя так называемым здоровым образом жизни и не чужд маленьких приятных пороков, к числу которых относится курение табака. Это был не единственный и далеко не самый страшный из пороков, свойственных Магомеду Расулову; он прожил бурную жизнь и пока не собирался на покой, счет его грехов еще не был закрыт, и, будучи человеком далеко не глупым, он отдавал себе полный отчет в том, что, когда настанет время, ему предстоит очень трудный разговор со всемогущим Аллахом. Впрочем, жить в миру, не совершая грехов, невозможно, и никто не бывает сплошь черным или незапятнаннобелым. Каждый из нас, одной рукой творя добро, другой сеет вокруг себя зло, и конечный итог зависит от того, каких дел ты совершил больше, хороших или дурных. Магомед Расулов тешил себя надеждой, что в его случае сальдо окажется положительным, но никогда не произносил этого вслух.

Дорога нырнула в лес. Справа промелькнул синий указатель с названием какой-то деревни. В забрызганном заднем стекле маячил джип охраны – у Магомеда Расулова, как у всякого человека, имеющего определенный вес в обществе и солидный банковский счет, хватало недоброжелателей, и все они, как один, были люди серьезные, под стать самому Расулову. О том, что представляет собой тот или иной человек, можно судить не только по его друзьям, но и по врагам, причем вторые зачастую дают о нем куда более полное представление. Настоящих друзей мы заводим в юности и бережно храним, независимо от того, во что они превратились с годами, кем стали и какое положение заняли в обществе. Большой человек – такой, как Магомед Расулов, или даже более крупная фигура – может сохранять дружеские отношения с каким-нибудь дворником или пастухом. Но всерьез враждовать с тем, кто стоит намного ниже на социальной лестнице, никто не станет – это просто невозможно из-за огромной разницы в весовых категориях и возможностях. Враг, который не может причинить тебе достойного упоминания вреда и которого ты можешь уничтожить одним движением брови, – это уже не враг; равенство сил, хотя бы относительное, является непременным условием настоящей вражды, и враги Магомеда Расулова были одного с ним калибра.

Впрочем, все они сейчас остались далеко, на родине. Вооруженный эскорт был просто данью обычаям и если и защищал от чего-то, так разве что от возможных мелких неприятностей в пути. Неприятностей пока не случилось; впереди ждали дела – в действительности совсем не такие важные, чтобы мчаться через пол-России в Москву, которую Расулов когда-то очень любил, а теперь с трудом переносил и совершенно не узнавал. С поездкой, которую ему просто-напросто навязали, примиряло лишь то, что там, в Москве, помимо скучных дел,

его ждала встреча со старым другом, который давно звал его в гости. Теперь выпала отличная возможность совместить приятное с полезным, которой грех было не воспользоваться.

В жизни Магомеда Расулова была страница, о которой он старался как можно реже вспоминать, особенно когда находился дома, среди земляков и единоверцев. Напоминанием о ней служили хранящиеся в ящике комода орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», а еще – татуировка с изображением парашюта, автомата Калашникова и надписью «ДШБ» на левом плече. Гордиться участием в афганской кампании нынче немодно, особенно если ты – правый мусульманин. Конечно, тогда, в восьмидесятых, рядового Расулова никто не спрашивал, хочет ли он стрелять в единоверцев или в кого бы то ни было вообще. Кроме того, Магомед Расулов был твердо убежден, что в наше время делить людей на своих и чужих по национальному или религиозному признаку, по меньшей мере, глупо. Сплошь и рядом все зависит не от вероисповедания, а от человеческого характера и обстоятельств. Тот, кого ты называешь неверным, спасет тебе жизнь или просто протянет руку помощи в трудную минуту, а единове-рец, которому ты доверял, ударит ножом в спину – в том случае, разумеется, если ты настолько глуп, чтобы не угадать его намерений и повернуться к нему спиной. Магомед Расулов как мог старался втолковать это молодым, но в последние десятилетия такая позиция стала не очень-то популярной, и в разговорах с земляками приходилось быть очень и очень дипломатичным.

Зато с Игорем хитрить не придется. Они прошли Афган бок о бок с первого до последнего дня – как подружились в учебке, так и не расставались до самой демобилизации. Потом они потеряли друг друга из вида на долгие и трудные пятнадцать лет, а потом, когда жизнь как-то начала налаживаться, Игорь приехал в Дагестан по делам бизнеса и отыскивал там Магомеда. Больше они уже не терялись – вместе делали дела, большие и маленькие, вместе карабкались вверх, вместе помогали друзьям и, как встарь, плечом к плечу отбивались от врагов. Теперь Игорь затеял новое большое дело – спору нет, рискованное, но благое и при этом прибыльное. Расулов, положив руку на сердце, сильно сомневался в успехе, но собирался ему помочь, тем более что и сам был заинтересован в том, чтобы затея Игоря принесла плоды. Затем он и ехал в столь нелюбимую им с некоторых пор, суетную и грязную Москву, чтобы в последний раз обговорить с другом и деловым партнером все детали, расставить все точки и убедиться в том, что все данные ранее обещания и достигнутые договоренности остаются в силе.

Разумеется, если бы все зависело только от Игоря, в такой проверке просто не возникло бы нужды. Более того, если бы все действительно зависело только от него, Игорь вряд ли отважился бы на эту затею. Она бы просто не пришла ему в голову, он – бизнесмен, трезвый, прагматичный делец, и ему ничего не стоило подыскать для инвестирования какой-то другой проект – более прибыльный и куда менее рискованный. Прямо он этого не говорил, но чувствовалось, что взять риск и ответственность на себя его попросили люди, которым он просто не мог отказать. Сейчас, как и двадцать пять лет назад в Афганистане, Игорь служил своей стране. Только риск стал неизмеримо больше: тогда он мог потерять всего лишь собственную голову, а теперь к этому прибавились огромные деньги и судьбы сотен людей, благополучие которых напрямую зависело от его благополучия и процветания. То же можно было сказать и о самом Магомеде Расулове; они оба, как встарь, вышли на самый краешек бездонной пропасти, сделав это наполовину против собственной воли.

За тонированным стеклом проносился пестрый от неожиданно выпавшего ночью и еще не успевшего растаять снега лес, снаружи по окнам ползли смазанные скоростью струйки грязной воды. Расулов поймал себя на том, что, несмотря на данное себе обещание, все-таки думает о делах, и мысленно пожал плечами: ну а о чем еще ему думать? Мечтать, как они с Игорем сядут за стол в его загородном доме и будут, наливая и чокаясь, вспоминать былые дни, конечно же, приятно, но он давно заметил: предаваться таким мечтаниям – только портить себе предстоящее удовольствие. Почему-то всегда выходит так, что в предвкушениях еда вкуснее, вино тоньше, женщина желаннее, а встреча со старым другом радостнее, чем в реальности. Да и

смаковать выдуманные подробности того, что и так, само собой, произойдет буквально через несколько часов, – значит попусту тратить время. Куда полезнее еще раз хорошенько обмозговать предстоящий нелегкий разговор о деле. Потому что это для Магомеда Расулова Игорь Михайлович Шапошников – боевой друг, брат если не по крови и вере, то по духу. А для старейшин и других заинтересованных лиц в Махачкале он – крупный российский бизнесмен, действующий с ведома и по прямому указанию Кремля, подозрительный чужак, за привлекательными обещаниями которого может скрываться любой подвох. Несмотря на риск, он рассчитывает извлечь из этой затеи максимальную прибыль; того же хотят земляки Расулова, от которых зависит осуществление проекта, а на долю Магомеда выпала нелегкая задача в ходе переговоров найти компромисс, который устроит обе стороны. Торговаться с другом – дело неприятное, и при иных условиях Расулов бы за него не взялся, но мир на измученной земле Дагестана стоит любых жертв...

Вдоль обочин по-прежнему тянулся облепленный тающим снегом лес, которому, казалось, не было ни конца ни края. Магомед Расулов не любил лес, и вовсе не потому, что вырос в горах и такой пейзаж был для него непривычен. Просто за долгие годы боевых действий на Северном Кавказе лес у него стал прочно ассоциироваться с опасностью – как, впрочем, и любая другая местность с ограниченной видимостью. Конечно, отряды террористов и арабских наемников в здешних лесах не прячутся, но в каждом лесу свои хищники, и, с точки зрения жертвы, разницы между исламским боевиком, кровником из враждебного клана и быком из промышляющей разбоем на дорогах подмосковной банды нет никакой.

Стоило лишь подумать о хищниках, как за очередным поворотом извилистой дороги показался стоящий на обочине сине-белый автомобиль ДПС. Чуть дальше, уткнувшись радиатором в придорожные кусты и перекосившись на правый борт, торчал старый автофургон. Расулов мимоходом подумал, что это хорошо: у хищника уже есть добыча, и, потроша ее, он не станет отвлекаться на другие потенциальные жертвы. Бояться было нечего, спешить некуда, но Расулов не любил встречаться с сотрудниками ГИБДД (а кто любит?) и вовсе не горел желанием прикармливать этих вымогателей в погонах.

Вопреки его чаяниям, один из патрульных шагнул с обочины наперерез «мерседесу» Расулова и повелительно вскинул полосатый жезл. Сидевший справа от водителя охранник вполголоса процедил что-то неприязненное, а сам водитель поднял взгляд к зеркальцу заднего вида и вопросительно взглянул на хозяина.

– Останови, – ответил на его невысказанный вопрос Расулов. – Не хватало нам еще погони с мигалками и стрельбой...

Все было ясно: глазастый мент не то углядел издали махачкалинский номерной знак, не то загодя получил от кого-то из своих коллег предупреждение о движущемся в его сторону кошельке на колесах с регистрационными номерами «кавказской национальности». Упустить легкую наживу патрульный, разумеется, не мог, и Магомед Расулов недобро усмехнулся: я тебе покажу наживу, шакал!

– Что хочет, не понимаю, – съезжая на обочину, недовольно бормотал водитель. – Даже скорость не превысили, мамой клянусь, ползем, как черепаха...

– Ты что, совсем глупый? – фыркнул его плечистый сосед, не так давно защищавший честь Российской Федерации на борцовском ковре. – Что хочет, что хочет... Деньги хочет, что еще он может от тебя хотеть? Думаешь, на свадьбу сестры пригласит?

– Женихом, – предположил водитель, плавно останавливая машину на припорошенной мокрым снегом обочине между патрульным «фордом» и задним бортом фургона, сильно наминавшего списанный автозак. – Я бы не пошел, – добавил он после секундного раздумья. – Пусть купит себе ишака и женит его на своей сестре...

Сзади, коротко прошуршав покрышками по мокрому песку с вкраплениями щебня, остановился джип охраны. Патрульный, как раз подходивший к «мерседесу» со стороны водителя,

покосился на него с явным неудовольствием, но промолчал. Это был коренастый мужик в погонах прапорщика, с обветренной, обманчиво добродушной физиономией ленивого взяточника, уверенного, что ни при каких условиях не вернется домой с работы с пустыми карманами. Он уже начал наклоняться к окошку; водитель протянул руку к кнопке стеклоподъемника, и тут из-за недалекого поворота показался небольшой автобус. Прапорщик зачем-то оглянулся в ту сторону, всмотрелся, приложив ладонь козырьком ко лбу, и по непонятной причине отступил от «мерседеса».

Его поведение насторожило Расулова. Еще в Афганистане он обнаружил, что обладает чутьем на опасность, и сейчас оно, проснувшись, било во все колокола: тревога!

Увы, предпринимать что-либо было уже поздно. Все двери старого автозака одновременно распахнулись настежь, и оттуда горохом посыпались вооруженные до зубов люди в черной униформе и трикотажных масках. Подкативший автобус изверг из себя еще одну порцию этих безликих ниндзя без знаков различия, и, обернувшись, Расулов увидел, как они, окружив джип, бесцеремонно вытаскивают оттуда и кладут лицом в землю его телохранителей.

Охранник, сидевший рядом с водителем, потянулся за пистолетом.

– Нет, – сказал ему Расулов. – Это какая-то ошибка, но, чтобы в ней разобраться, надо остаться в живых.

Охранник послушно вынул руку из-за лацкана пиджака. Как и хозяин, он понимал: что бы ни стало причиной этого происшествия, в данный момент никто из них не может изменить ситуацию в лучшую сторону. В худшую – это сколько угодно, вплоть до расстрела на месте, а вот наоборот – увы...

Прапорщик ГИБДД, который их остановил, куда-то исчез, и, повернув голову в другую сторону, Расулов увидел отъезжающий милицейский «форд». Ему показалось, что машина сорвалась с места с какой-то недостойной поспешностью, словно патрульные торопились поскорее унести отсюда ноги, чтобы, упаси бог, не увидеть что-нибудь лишнее. Магомед пожалел, что прапорщик не успел представиться. Если бы удалось заставить его предъявить служебное удостоверение, ситуация стала бы хоть чуточку яснее. По крайней мере, было бы понятно, что это: захват, производимый спецслужбами по ложному доносу или по ошибке, дерзкое нападение, совершенное кем-то из недовольных его позицией земляков, месть кровника или банальный бандитский налет. А впрочем, вряд ли удостоверение, будь оно сто раз подлинным, внесло бы ясность в этот запутанный вопрос: в российской милиции во все времена хватало сотрудников, готовых за приличную сумму помочь кому угодно, хоть черту с рогами, хоть маньяку с куском сырой человечины в зубах.

Все эти мысли стайкой испуганных птиц пронеслись через сознание за какую-то долю секунды. В следующее мгновение все четыре дверцы «мерседеса» одновременно резко распахнулись, мир заслонили черные комбинезоны и бронежилеты; в салон потянуло сырым холодным ветром, пахнущим прелой листвой, мокрой корой и казармой – начищенными сапогами, ядреным офицерским одеколоном, пропитанной формальдегидами кожей ремней, оружейной смазкой, крепким табаком и спиртным перегаром. Букет ароматов был знакомый, как и сама ситуация, в которой довелось побывать едва ли не каждому второму жителю Северного Кавказа. Нарочито свирепые, срывающиеся на истерику голоса наперебой захрипели и залаляли, приказывая выйти из машины и положить руки на крышу, и чья-то рука в беспалой перчатке, ухватив Магомеда Расулова за лацкан пальто, грубо и сильно рванула его наружу. Он попытался сбросить ее с себя, как большое мерзкое насекомое, и выйти самостоятельно, но владельца руки это явно не устраивало – он рванул сильнее, сопроводив это действие потоком истеричной матерной брани, и выволок Расулова из машины. При этом Магомед потерял равновесие и едва не упал; человек в маске удержал его в вертикальном положении, снова грубо рванул, развернул лицом к автомобилю и толкнул вперед. Расулов почти рухнул на крышу соб-

ственного авто, упершись широко расставленными руками в мокрое, забрызганное дорожной грязью железо.

В затылок больно вдавилось холодное дуло, и все та же грубая рука в беспалой перчатке принялась бесцеремонно ощупывать карманы. На землю посыпались портсигар, зажигалка, ключи, любовно отглаженный женой носовой платок. Корпус дорогого мобильного телефона печально хрустнул под тяжелым армейским ботинком; человек в маске небрежно сунул в наколенный карман портмоне Расулова и, наконец-то добравшись до паспорта, заглянул под обложку.

– Этот? – спросил кто-то.

– Он самый, – послышалось в ответ, и Магомеда Расулова сильно рванули за шиворот, заставив выпрямиться. – В машину, урод!

Расулова затолкали обратно на заднее сиденье «мерседеса». Усаживаясь, он слышал, как кто-то скомандовал грузить остальных. Люди в черной униформе начали по одному заталкивать его водителя и охранников в кузов старого автозака. Излишние церемонии по отношению к пленникам явно были у них не в чести, а слово «гуманизм» они понимали очень по-своему, возможно вообще не представляя, что оно означает, а может быть воспринимая его как неприличное, ругательное. На тающем сером снегу осталось несколько кровавых плевок и три или четыре выбитых зуба, и Расулов заметил, что одного из охранников подтащили к автозаку волоком и забросили в кузов, как бревно. Голова его при этом свисала на грудь, бесильно мотаясь из стороны в сторону, с рассеченного лба на землю капала кровь.

Дверцы машины снова распахнулись, и в нее полезли люди в черных комбинезонах. Двое сели за руль, третий плюхнулся на кожаный диванчик рядом с Расуловым. Тот, что сидел за рулем, сразу запустил двигатель.

– Вы совершаете большую ошибку, – сообщил им Расулов. – Возможно, самую крупную в своей жизни. Это вам даром не пройдет.

Человек, что сидел рядом с водителем, обернулся и посмотрел сквозь прорези черной трикотажной маски – не на Расулова, а на его соседа. Выполняя безмолвный приказ, тот почти без замаха, коротко и точно ударил пленника по лицу рукояткой пистолета. Хлынувшая из сломанного носа кровь закапала с седых усов на белую рубашку, приводя в негодность дорогое пальто, костюм и галстук. Пистолет, которым был нанесен удар, уперся Расулову в щеку под левым глазом, его владелец большим пальцем взвел курок и негромко предложил:

– Давай, зверек, вякни еще разочек. Посмотрим, как ты станешь качать права с дырой в башке, сука чернозадая!

Ответа не последовало. Через мгновение короткая колонна тронулась и неторопливо, со скоростью, обусловленной ограниченными возможностями старого автофургона с зарешеченными окошками, двинулась в направлении Москвы.

Глава 2

Генерал-майор Логинов осторожно загнал машину на переполненную стоянку и выключил зажигание. Мотор умолк, стихло шуршание теплого воздуха в вентиляционных решетках, и окна немедленно начали запотевать. Снаружи сверкал электрическими огнями ненастный октябрьский вечер. С невидимого неба сеялась мелкая противная морось, оседавшая на ветровом стекле микроскопическими капельками, свет фонарей и витрин дробился в мокром асфальте и ложился разноцветными бликами на крыши и капоты автомобилей. Широкая улица сейчас напоминала реку огней – вернее, целых две реки, текущие навстречу друг другу. Та, что была ближе к Андрею Никитичу, сверкала рубиновыми огнями габаритов, а та, что подальше, слепила глаза белыми и голубоватыми пятнами включенных фар.

Спохватившись, генерал выключил свои собственные фары – вернее сказать, фары своего автомобиля, – зажег потолочный плафон и в его скупом желтушном свете с сомнением посмотрел на мобильный телефон, укрепленный в держателе рядом с приборной доской. Его подмывало еще раз позвонить домой, но что он мог сказать жене? Подобные разговоры тяготили его еще с тех пор, как он был зеленым выпускником Рязанского училища ВДВ. В таких случаях женам преподносят одно из двух: либо голую правду, либо более или менее правдоподобную ложь. Подавляющее большинство мужчин предпочитает врать, но Андрей Никитич прибегал ко лжи только в качестве последнего средства, когда говорить правду ему запрещали обстоятельства. Делал он это по двум причинам: во-первых, потому, что не любил врать, а во-вторых, потому, что никогда этого толком не умел. Если бы он во время недавнего телефонного разговора сказал жене, что у него срочное совещание (чему, по идее, было не так уж трудно поверить, ибо подобные вещи с ним действительно случались, и притом частенько), она бы по голосу, даже не видя его лица, поняла, что ее благоверный наводит тень на плетень, и, чего доброго, вообразила бы, что он опять подвергает опасности свое драгоценное генеральское здоровье, собираясь совершить ночной прыжок с парашютом на лес или горы или отколоть еще что-нибудь столь же неподобающее его чину и званию. Виду бы она, конечно, не подала, но распереживалась бы наверняка, а кому это надо?

Поэтому Андрей Никитич сказал правду – без имен, разумеется, ибо тон, которым была назначена встреча, его немного насторожил. Но название ресторана сказать пришлось, и получилось едва ли не хуже, чем если бы он просто солгал, сочинив какую-нибудь басню. Ресторан был из дорогих, и это, наверное, навело госпожу генеральшу на какие-то не очень приятные мысли и подозрения. Во всяком случае, попрощалась она с генералом холодно, и теперь он мучился угрызениями совести, поскольку до сих пор был по уши влюблен в собственную жену и терпеть не мог ее огорчать.

Мысленно обозвав себя слюнтяем, он вынул телефон из гнезда держателя, заблокировал клавиатуру и решительно сунул пластиковый гладыш в карман. Люди как-то ухитряются жить, вообще не замечая проблем наподобие той, которая его сейчас донимает. И ничего, живут! Инженеры, учителя, дворники, бомжи – да кто угодно! А он, боевой генерал, которому по всем понятиям полагается быть таким громовержцем, слово которого – закон, переживает из-за надутых губ и холодного тона жены. Как будто у него других забот нет! Вышла замуж за военного – терпи. Это как в той немецкой поговорке, согласно которой для женщины главным в жизни являются три «К» – киндер (в смысле, дети), кирха и кухня. Остальное – сугубо мужская прерогатива, и это правильно, и именно так все и должно быть. А то некоторые слишком много воли себе забрали!

От этих несправедливых мыслей терзавшие его угрызения совести не исчезли, а только усилились, и генерал почувствовал, что начинает мало-помалу раздражаться против человека, который в этот поздний час заманил его сюда. Другого времени и места не нашел, конспиратор

хренов! Как же, олигарх, занятой человек! Он один на всем белом свете занят делом, а все остальные просто дурака валяют за казенный счет. Небось налоговая прижала или бандиты наехали, вот и вспомнил, что есть у него в силовых структурах свой человек. Пять лет ни слуху ни духу, и вдруг нате вам – нарисовался, хрен сотрешь!

Он снова прислушался к своей совести, но на сей раз та благоразумно помалкивала. Конечно, с Игорем Шапошниковым они съели на двоих не один пуд соли; конечно, фронтовое братство связывает людей покрепче кровных уз, но...

Там, в Афганистане, все они были зелеными мальчишками – вчерашние школьники, студенты, курсанты военных училищ, грубо вырванные из привычного течения беззаботной мирной жизни и брошенные в адское пекло никому не нужной войны с народом, который еще никому и никогда не удавалось победить. Такие вещи сплывают, спору нет. Но время идет, и с тех пор его прошло уже столько, что на фоне пролетевших лет Афган превратился в мизерное яркое пятнышко, в искру, что мелькнула и пропала, оставив после себя только воспоминания. На протяжении десятилетий жизнь ломала их и гнула, каждого в свою сторону, и пресловутое фронтовое братство давно превратилось в тончайшую нить, в хрупкую скорлупу, хранящую внутри непознаваемые потемки чужой души. Настоящая дружба, как и любовь, рождается в юности; как и любовь, со временем она утрачивает пыл, перестает полыхать и буйствовать, как лесной пожар, превращаясь в сплав привычки, симпатии и уважения – без сомнения, драгоценный и весьма прочный, но начисто исключаящий всякие безумства. Генерал ВДВ и крупный бизнесмен могут дружить, но сам черт не разберет, сколько в их отношениях дружбы, а сколько трезвого делового расчета. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что, будучи поставленным перед выбором между старой дружбой и своим высоким положением, любой из них трижды подумает, прежде чем предпочтет первое второму. И дело тут не в одном только эгоизме. Каждый из них давно не сам по себе, от каждого зависят судьбы и даже жизни множества других людей, и любой риск в такой ситуации должен быть сведен к минимуму.

Генерал Логинов знал, что, подслушав его мысли, очень многие назвали бы его старым бездушным циником. Дружба превыше всего – так принято считать, и мало кто отважится вслух оспорить это утверждение. Но на самом-то деле оно – не что иное, как один из лозунгов, которые умные люди тысячелетиями придумывали затем, чтобы ловчее вертеть миллионными массами доверчивого дурачья. «Дойчланд юбер аллес» – «Германия превыше всего», – объявили нацисты, и дурачье, напялив стальные каски, отправилось умирать и убивать. «Свобода или смерть», – твердили революционеры, и дурачье гибло на баррикадах, своими руками добывая себе полуголодное прозябание под властью жестоких диктаторов. «Любовь дороже жизни», – в незапамятные времена брякнул какой-то недоумок, и другие недоумки, которые еще не нюхали ни настоящей жизни, ни настоящей любви, режут себе вены, травятся и прыгают с крыш, не вспоминая при этом ни о Родине, которая превыше всего, ни о друзьях, ни о свободе, которую они могли бы добыть, затеяв еще какую-нибудь революцию.

Дружба превыше всего... Миллионер Шапошников этого не говорил, но это подразумевалось. И генерал-майор Логинов, бросив дела и огорчив жену, помчался на зов, потому что за дружеским предложением встретиться и, как встарь, распить на двоих бутылочку-другую, несомненно, скрывалось что-то куда более серьезное, чем обычные мужские посиделки.

Андрей Никитич распахнул дверцу и выбрался из теплого салона на сырой, поблескивающий, как шершавая шкура гигантского морского змея, асфальт стоянки. Лица коснулось сырое холодное дыхание осени, волосы на голове сразу стали влажными от сыплющейся с невидимого неба мороси. Логинов запер машину и заторопился к ярко освещенному крыльцу заведения, гадая, что все-таки могло понадобиться от него другу Игореше спустя долгие пять лет, в течение которых они не общались.

Вопрос был не праздный. В самом деле, что может понадобиться долларовому миллионеру от генерал-майора ВДВ? С его деньгами он может сам решить любую проблему, задей-

ствовав в своих целях кого-то более стоворчивого и менее щепетильного, чем Логинов, навсегда застрявший в генерал-майорах благодаря своей прямолинейности и принципиальности (или, говоря словами его недоброжелателей, тупости и упрямству). Андрей Никитич не имеет никакого отношения ни к спецслужбам, ни к тыловым снабженческим структурам; все, чем он располагает, – это несколько тысяч лихих ребят в голубых беретах. Да и те не его собственность, не холопы, которыми он может распоряжаться по своему усмотрению, а всего лишь подчиненные. Он им не хозяин и не бог, а командир, и, если господину олигарху понадобилась, скажем, небольшая личная армия для войны с кем-то из конкурентов, он явно обратился не по адресу. Или дружище Игорек изменился настолько, что искренне уверовал в то, что купить можно кого угодно?

Поднимаясь по отделанным натуральным полированным гранитом ступенькам широкого пологого крыльца, генерал решил больше не ломать голову над вопросами, ответы на которые дожидались его за зеркальными дверями ресторана. Не стоит загонять себе удовольствие от встречи со старым боевым другом. Если выяснится, что друг, как в песне, «оказался вдруг», тогда разговор у них будет короткий. А что, если Шапошников просто соскучился? В конце концов, в его окружении вряд ли найдется хотя бы один человек, которому от него ничего не нужно, с которым можно просто посидеть и выпить, болтая о пустяках. При его капиталах каждый надеется получить от общения с ним какую-то свою выгоду, и в этом бывшему старшему сержанту ВДВ Шапошникову можно только посочувствовать...

Нетерпеливым движением отстранив кинувшегося открывать дверь дюжего швейцара, генерал прошел в сверкающий отраженными в зеркальных поверхностях огнями вестибюль. Здесь пахло дорогим табаком и тонкой пищей, из занавешенного тяжелой портьерой широкого проема, ведущего в обеденный зал, доносилась негромкая струнная музыка. Это было хорошо; больше всего Андрей Никитич не любил кабаки именно за чересчур громкую и безвкусную, вот именно кабацкую, музыку. Впрочем, Шапошников имел полную возможность выбирать, и выбрал местечко, наиболее соответствующее его насущным потребностям, – пусть дорогое, но уютное и позволяющее беседовать, не надрывая при этом глотку.

В зале оказалось много света, хрустала, позолоты, крахмальных скатертей и мраморных колонн. Огни люстр и свечей отражались в полированном мраморе и тысячами бриллиантовых искр вспыхивали в хрустале. Играл струнный квартет; миловидная, хотя и несколько анемичная скрипачка была одета в строгое длинное платье траурного черного цвета и щеголяла минимумом макияжа, но Андрею Никитичу ее вид почему-то показался даже более развратным, чем у полуголой стриптизерши. Немногочисленная, шикарно одетая публика вела себя сдержанно и в высшей степени пристойно, вышколенные официанты беззвучно и ловко лавировали между столиками. Вокруг благородно поблескивало и деликатно позвякивало о фарфор массивное столовое серебро; потолок, сплошь позолоченная лепнина и фрески, маячил где-то в недостижимой высоте. Генералу Логинову, который приезжал в Москву из дивизии не чаще раза в год и не дольше, чем на неделю, да и то по настоянию жены, утверждавшей, что для них обоих это единственный способ не одичать и не обрасти мохом, все это больше напоминало какой-то театр или зал для торжественных приемов, чем место, где люди утоляют голод и жажду.

К нему подошел метрдотель – черно-белый, как пингвин, очень солидный. Он был лет на десять старше генерала и, как и швейцар в вестибюле, щеголял военной выправкой, говорившей о строевом, кадровом прошлом. Андрея Никитича слегка перекосило: хороша же все-таки страна, вчерашние защитники которой вынуждены идти в лакеи, чтобы прокормиться! – но он привычно сдержался, тем более что выправка – это еще не военный билет; она – просто элемент внешности, а внешность бывает обманчива.

– Я могу помочь? – глубоким басом прогудел метрдотель. У него была блестящая бледная лысина и тронутые благородной сединой бакенбарды.

– Вероятно, – сдержанно сказал ему генерал. – У меня здесь назначена встреча. Моя фамилия Логинов.

– Да, меня предупредили, – сверкнув лысиной, утвердительно наклонил голову метрдотель. – Прошу вас, кабинет номер четыре.

Рука в белоснежной перчатке указала куда-то вправо, и, повернув голову, Андрей Никитич увидел ряд занавешенных синими портьерами проемов в стене – входы в отдельные кабинеты. По сторонам проема, помеченного золоченой цифрой «четыре», сложив руки поверх причинных мест и расставив для устойчивости ноги, торчали два дюжих молодца гренадерского роста, с каменными плечами и чугунными физиономиями, на которых, казалось, можно было ровнять гвозди. «В Чечню бы вас, обломов тамбовских», – подумал Андрей Никитич, направляясь в ту сторону.

Его маневр не остался незамеченным. Один из охранявших кабинет мордоворотов, не меняя выражения лица, всмотрелся в генерала, потом зачем-то заглянул к себе в ладонь – не иначе, сверился со спрятанной там фотографией – и, повернув голову, сказал что-то своему коллеге. Тот молча покинул пост, чуть сдвинул в сторону закрывавшую вход портьеру и мгновение стоял к генералу спиной – по всей видимости, докладывал хозяину о прибытии гостя. Затем все так же молча вернулся на свой пост, опять сложил руки поверх причинного места и застыл, как выключенный робот, которого очень напоминал полным отсутствием мимики.

Наблюдая все эти манипуляции, Андрей Никитич потихонечку раздражался. Он был почти уверен, что сейчас его начнут обыскивать на предмет припрятанного оружия, и приготовился дать наглецам достойный отпор, но охранники явно были заранее проинструктированы и не сделали ничего, что могло бы причинить вред их драгоценному здоровью. Один из них так и остался стоять столбом, а другой молча отодвинул портьеру, пропуская генерала в кабинет.

Логинов вошел. Шапошников поднялся ему навстречу – все такой же высокий и широкоплечий, с длинной фигурой профессионального волейболиста. Его несколько не поредевшая шевелюра была уложена волосок к волоску, широкий улыбчивый рот знакомо разъехался до ушей, демонстрируя отменные зубы. Вокруг серых глаз собрались веселые морщинки, но взгляд старого друга показался генералу совсем не веселым, а, напротив, усталым и озабоченным, а может быть, и тревожным.

Они обменялись крепким рукопожатием, а потом, помедлив секунду, обнялись. Ладонь у Шапошникова, несмотря на его капиталы, всякие там маникюры, джакузи и прочие атрибуты сладкой жизни, как и раньше, была твердой и давила, как стальные тиски. Ладонь генерала Логинова ей ни в чем не уступала, и, когда эти ладони захлопали по обтянутым дорожными пиджаками широким спинам, один из охранников снова заглянул в кабинет – видимо, доносившиеся оттуда звуки слишком напоминали пистолетные выстрелы, чтобы спокойно их игнорировать.

Кончив обниматься, они уселись за стол. Генерал окинул взглядом поле предстоящего сражения и одобрительно хмыкнул: стол не то чтобы ломился, но и недостатка в провианте и горяче-смазочных материалах тут не наблюдалось. Особенных кулинарных изысков с непроезжими названиями, о которых ни один нормальный россиянин не знает, как и, главное, зачем их употреблять внутрь, не наблюдалось тоже; еда была сравнительно простая, сытная и, судя по запаху, хорошо, вкусно приготовленная. Графинчик с водкой густо запотел, темный янтарь коньяка выгодно контрастировал с жизнерадостной желтизной лимона, черная и красная икра, крупная, как картечь, лоснилась в хрустале, суля усадку языку и нёбу, и рыба, которая ее наметала, была тут как тут, обложенная лимоном и зеленью, с золотистой хрустящей корочкой и с маслиной во рту. У Андрея Никитича началось обильное слюноотделение, а Шапошников уже вынул из графина негромко звякнувшую пробку и до краев наполнил рюмки прозрачной божьей слезой.

– Я за рулем, – понимая, насколько глупо и неуместно это звучит, заявил Логинов.

– Дурак, что ли? – немедленно отреагировал Шапошников. Сказано это было в духе лихой армейской молодости. Подобный тон плохо вязался с известным всей России образом миллионера Шапошникова – начинающего политика, знатока и ценителя изящных искусств, мецената и где-то даже филантропа. На генерала Логинова от этих слов повеяло ностальгическим ароматом солдатской казармы и пыльных афганских дорог, но он тут же взял себя в руки, задавшись вопросом: интересно, как долго Игорек репетировал перед зеркалом этот давно забытый образ, из которого вырос так же безнадежно, как из детских ползунков? – Если ты, старый пингвин, отправляясь на встречу с армейским другом, да не куда-нибудь, а в кабак, сам уселся за руль, в этом никто, кроме тебя, не виноват. Думать надо головой, а не ж...! А в нее, родимую, засунь свой руль, там ему самое место... Ну, чего вылупился? Денег на такси нет? Не проблема, мои ребята тебя отвезут. Рюмку взял, живо! Я что, непонятно выразился?

– Есть, товарищ старший сержант, – посмеиваясь, сказал генерал и взял скользкую от ледяной испарины рюмку.

– Ну, со свиданьем, – провозгласил Шапошников.

– Дай бог, не последняя, – поддержал его генерал.

Они выпили за встречу и практически сразу же по инициативе господина олигарха, решившего, по всей видимости, твердо держаться в образе и объявившего, что между первой и второй промежуток небольшой, накатали еще по одной – за дружбу. После третьей рюмки, выпитой по традиции молча и не чокаясь – за тех, кого с нами нет, – у Андрея Никитича начался легкий приятный шум в ушах. В животе потеплело, на душе воцарились мир и спокойствие. Голова у него при этом оставалась ясной, и он твердо рассчитывал, что такое положение вещей сохранится до конца разговора, поскольку умел блюсти свою норму и пьянел по-настоящему только тогда, когда сам этого хотел. А сегодня, что бы там ни имел в виду Шапошников, бесшабашная холостяцкая попойка в планы генерала Логинова не входила.

Поэтому, с удовольствием утолив первый голод, он откинулся на спинку кресла и, глядя на Шапошникова поверх уже утратившего торжественный лоск сервировки, основательно пощипанного и разоренного стола, сказал:

– Ну?

– Прошу прощения? – вопросительно приподнял бровь Шапошников, нанизывая на вилку сочащийся прозрачным жирком ломтик семги.

– И правильно делаешь, – проворчал генерал. – Хватит ваньку валять, гражданин Шапошников! Если ищешь кого-то, кто глупее тебя, посмотри среди своих охранников, а за этим столом таких овощей нет. Ежу понятно, что у тебя ко мне дело, причем, как я понимаю, срочное. А вот какое именно – этого я, хоть убей, в толк не возьму.

Шапошников прожевал семгу, заел ломтиком лимона, вытер губы салфеткой и невесело усмехнулся.

– Да, – сказал он, – вижу, политесу в ВДВ по-прежнему не учат. Или учат, но некоторые оказываются к этой науке невосприимчивы. Потому, наверное, до сих пор в генерал-майорах и ходят.

– Давай не будем трогать воинские звания... товарищ старший сержант, – предложил генерал. – Конечно, ты запросто можешь подарить кому следует парочку породистых щенков и наутро проснуться генералом армии, если не маршалом. Но, пока этого не произошло, блюди субординацию и не уклоняйся от ответа.

– А не то?..

– А не то по уху схлопочешь, и никакая охрана тебе не поможет.

Шапошников ненадолго задумался. Вид у него теперь был не просто озабоченный, а прямо-таки мрачный, и Андрей Никитич почти пожалел о своем вопросе. Впрочем, жалеть было бессмысленно, потому что ответ рано или поздно прозвучал бы все равно, независимо от того, спрашивал генерал Логинов о чем-нибудь или нет.

– Пожалуй, ты прав, – подтверждая эту догадку, произнес Шапошников, – тянуть незачем. Дело есть, и оно действительно срочное. Причем настолько, что каждая минута на счету. Если не каждая секунда.

– Тогда ближе к сути, – предложил генерал.

– Суть проста, – услышал он в ответ. – Видишь ли, сегодня около полудня пропал Душман.

– То есть как это «пропал»? – опешил Андрей Никитич. – Давай-ка поподробнее.

– Изволь, – сказал Шапошников и начал рассказывать.

Уже на второй минуте этого рассказа генерал Логинов наконец понял, что могло понадобиться господину олигарху от генерала ВДВ, но, увы, не испытал от наступившей ясности ни малейшего удовольствия.

* * *

Перед неказистым одноэтажным зданием штаба резко затормозил командирский «уазик», имевший такой вид, словно только что вернулся с ралли по бездорожью или был извлечен из болота. Грязь покрывала его борта бугристыми наростами, и сквозь ее густой слой едва пробивался свет включенных фар. Неутомимые «дворники» протерли на ветровом стекле два мутноватых полукруглых окошка, из-под серовато-коричневых потеков на дверце едва проступала эмблема ВДВ. Возобновившийся дождь лениво постукивал по мокрому тенту, капли воды собирались вместе и сползали по оконным стеклам медленными ручейками, торя в грязи извилистые дорожки.

Водительская дверца распахнулась так энергично, словно изнутри по ней с силой ударили ногой. Эта самая нога, обтянутая штаниной камуфляжной расцветки, которая была заправлена в высокий армейский ботинок приблизительно сорок шестого – сорок седьмого размера, высунулась наружу и утвердилась на мокром асфальте, оставив на нем рыжий глиняный отпечаток. Глина неровной, отваливающейся коркой покрывала ее почти до середины голени, красноречиво свидетельствуя о том, что водитель «уазика» поровну делил со своим железным конем тяготы и лишения воинской службы.

Вслед за ногой из салона не без труда выбрался ее владелец – двухметрового роста мужчина с могучей фигурой и хмурым, словно вырубленным из твердого темного камня, лицом. На нем был пятнистый камуфляжный комбинезон, в вырезе которого виднелся бело-голубой полосатый треугольник десантной тельняшки. Приглядевшись, можно было рассмотреть на мятых полевых погонах темно-зеленые майорские звезды; широкую, выпуклую, как наковальня, грудь перекрещивали ремни портупеи и полевой сумки, на боку висела тяжелая испарпанная кобура. Стоя одной ногой на асфальте, а другой в кабине, майор достал из салона и нахлобучил на коротко стриженную, русую с проседью голову голубой десантный берет. Это было сделано одним движением, но берет сразу сел как положено, с лихим креном на правый борт и так, что кокарда оказалась точно над переносицей.

Лежавший на пассажирском сиденье автомат зацепился ремнем за рукоятку переключения передач. Хмурый гигант раздраженно дернул, машину качнуло; не имея ни малейшего желания добывать новый ремень взамен лопнувшего и объясняться с начальством по поводу нанесенных казенному автомобилю повреждений, майор потрудился снять ремень с рычага, извлек наконец автомат из салона и с пушечным громом захлопнул дверцу.

– Каким ты был, таким остался, орел степной, казак лихой, – пробормотал генерал Логинов, наблюдавший за этой сценой из окна.

– А что ему делается? – пожал плечами командир части полковник Миронов. – Ти-Рекс – он и есть Ти-Рекс.

Генерал задумчиво покивал. Быком майора Быкова не пытались звать уже давно – это прозвище ему совершенно не подходило, поскольку с упомянутым животным Романа Быкова, помимо фамилии, роднили разве что недюжинная сила и упорство. Конечно, Ти-Рекса, сиречь тираннозавра, майор ВДВ Быков тоже напоминал мало – ну, разве что в ярости, когда бывал практически неотличим от этого ископаемого ящера, наводя на окружающих такой же ужас, как тот на мелкую травоядную шуштуру юрского периода. Но прозвище, данное каким-то особо впечатлительным и сравнительно начитанным солдатом, прилепилось к нему намертво и пошло кочевать за майором из гарнизона в гарнизон. Оно было при нем, когда ему присвоили очередное звание, и спустя два года, когда подполковник Быков опять стал майором, прозвище осталось с ним. Так он до сих пор с ним и ходил, и генералу было приятно убедиться, что есть вещи, которые не меняются.

Сунув под мышку автомат, майор хмуро покосился на стоящий у крыльца штаба «уазик» – точно такой же, как у него, и даже с такой же эмблемой, разве что намного новее и чище. Привинченный к бамперу регистрационный номер был ему незнаком, за рулем скучал водитель – тоже незнакомый, нездешний. Быков подумал, не расспросить ли ему этого типа – кто приехал, зачем и по какому случаю, – но решил не тратить попусту время, тем более что все и так было ясно как белый день. Машина, судя по номеру, пришла из штаба дивизии, и, если сопоставить это событие с полученным им приказом, бросив все, незамедлительно прибыть к командиру части, картинка получается простая и безрадостная. Скорее всего, это явился военный прокурор – явился, несомненно, по душу майора Быкова, который наконец-то допрыгался к вящей радости некоторых сослуживцев. Что ж, сколь веревочке ни виться... Конечно, уходить из армии не по своей воле обидно, а садиться в тюрьму из-за какого-то слизняка в погонах обиднее вдвойне, но вряд ли сотрудник военной прокуратуры станет интересоваться мнением майора Быкова по данному вопросу. Ну и черт с ними со всеми! Все равно то, чем он сейчас занимается, – это не служба, а какое-то околачивание груш...

Он вошел в штаб. Притянутая сильной пружиной тяжелая дверь гулко, как старинная пушка, бахнула у него за спиной. «Прощальный салют», – подумал он и, поднявшись по скрипучим деревянным ступенькам коротенького лестничного марша, толкнул внутреннюю дверь, что вела в коридор.

Посыльный, скучавший около укрепленного на стене телефонного аппарата, отдал ему честь. Быков небрежно отсалютовал в ответ и сердито протопал мимо, оставляя на только что вымытом линолеуме рыжие ошметки глины. Автомат висел у него за плечом дулом вниз, как охотничья двустволка. От него ощутимо пахло пороховой гарью. «Только что с полигона», – сообразил посыльный, с неудовольствием глядя на принесенную майором грязь. Он подумал, что стоило бы сделать Ти-Рексу замечание по этому поводу, и тихонько хихикнул: мысль показалась ему забавной, как иногда, особенно в пьяном виде, кажется забавной идея сплясать гопака на перилах балкона или пободаться с груженным самосвалом.

В пустом коридоре громко стукнула закрывшаяся за майором дверь туалета, и почти сразу стало слышно, как в жестяное дно раковины ударила сильная струя воды. «Теперь еще и раковину загадит», – со вздохом подумал посыльный. Впрочем, по-настоящему он не имел ничего против того, чтобы прибрать за вернувшимся с дальнего полигона Ти-Рексом: у курсантов учебного центра майор Быков пользовался большим уважением, которым, к слову, никогда не злоупотреблял.

Услышав гулкий удар входной двери, генерал Логинов отвернулся от окна и заранее растянул губы в приветливой улыбке. В этой улыбке содержалась изрядная доля фальши: Быкова Андрей Никитич уважал и любил, но чувствовал себя перед ним виноватым, и это была та самая ложка дегтя, что способна испортить бочку отборного меда. Где-то в коридоре стукнула дверь; прошла минута, затем другая, третья, а Быков все не появлялся. Генерал погасил ненужную улыбку и вопросительно посмотрел на хозяина кабинета.

– Ти-Рекс, – повторил полковник таким тоном, словно это все объясняло.

По прошествии показавшихся генералу вечностью пяти минут в дверь резко, отчетливо постучали. Она распахнулась, и на пороге, заполнив весь дверной проем своей громоздкой фигурой, появился майор. Пригнув голову, чтобы не оцарапать макушку о притолоку, он шагнул в кабинет и остановился, глядя на генерала Логинова спокойно и равнодушно, словно его появление здесь было вещью вполне обыкновенной и уже успевшей слегка надоесть. Штанины майорских брюк были мокры выше колена, но чисты, а ботинки сверкали, как парочка антрацитовых зеркал, распространяя по кабинету тяжелый запах сапожного крема. К этому казарменному амбре примешивался резкий запах жженого пороха, исходивший, несомненно, от висевшего у Быкова за спиной автомата. Майора вызвали с дальнего полигона, где он дрессировал пополнение, пытаясь превратить вчерашних школьников в солдат, и скорость, с которой он оттуда добрался, полностью оправдывала пятиминутную задержку, понадобившуюся ему, чтобы привести себя в порядок. Полковник Миронов был прав: Ти-Рекс при любых обстоятельствах оставался Ти-Рексом – образцовым боевым офицером-десантником, место которому было где угодно, только не в этой захолустной учебке.

– Товарищ генерал-майор, – деревянным голосом заговорил Быков, отчетливо взяв под козырек, – разрешите обратиться к товарищу полковнику!

Генералу удалось сдержать болезненную гримасу.

– Обращайтесь, – решил он.

– Товарищ полковник, – повернувшись к Миронову, снова завел уставную волюнку Ти-Рекс, – майор Быков по вашему приказанию прибыл!

Полковник зачем-то дослушал рапорт до конца, как будто рассчитывал, что Быков, как зеленый новобранец, вместо «прибыл» скажет «явился», и тогда его можно будет поправить: дескать, являются черти, да и то с большого перепою. Лицо его при этом выражало странную смесь тоски и недоумения: такое поведение майора явно было ему в новинку, и он ожидал от своего подчиненного какой-нибудь выходки.

– Вольно, – сказал он, оставив свои вопросы и опасения при себе, а потом повернулся к генералу: – Так я вас оставляю, Андрей Никитич?

– Да, будь так добр. Извини, что я тебя, как лиса того зайчишку, из твоей избушки выживаю...

– Нет проблем, товарищ генерал. Так я готовлю приказ?..

Логинов почесал переносицу.

– Готовь, – кивнул он. – Только подписывать погоди. Послушаем сперва, что товарищ майор нам скажет.

Быков выслушал этот обмен репликами, не дрогнув ни единым мускулом лица. Он шевельнулся, только когда понадобилось освободить полковнику проход, после чего снова замер в полной неподвижности, напоминая выполненную в натуральную величину модель идеального солдата – правда, в мокрых штанах и с подмоченной репутацией, но первое было простительно и поправимо, а во втором не было его вины.

– Ну, здравствуй, Роман Данилович, – сказал Логинов, когда они остались одни.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

Генерал тяжело вздохнул.

– Будет тебе дуться, – сказал он. – Что ты, ей-богу, как ребенок?

– Никак нет, – отчеканил Быков. – Не как ребенок. Огрёб-то я, как вам известно, не по-детски.

– Будет, будет, – повторил Логинов. – Ты знаешь, я сделал для вас все, что мог. Если бы...

– Да, – с едва уловимой горечью в голосе перебил майор, – если бы. Если бы каждый из нас в тот день находился на своем месте, ничего бы не случилось. Ребята не вляпались бы в

эту тухлятину, а если бы и вляпались, ты бы им поверил и не дал в обиду. Но никаких «если» не было, а было то, что было.

– Было и былшем поросло, – сказал генерал.

– Не для меня. И тем более не для моих ребят.

– Ну, хватит, Роман! – раздраженный как правотой майора, так и собственным бессилием, резко произнес Логинов. – Кто старое помянет, тому глаз вон!

– Об этом я и говорю, товарищ генерал-майор, – все тем же деревянным голосом согласился Быков. – Что было, того больше нет. Какой я вам теперь Роман? Гвардии майор Быков... пока что. Полагаю, ненадолго. Прикажете сдать оружие?

Не ожидавший такого поворота беседы Логинов слегка опешил.

– Чего? Какое оружие? Зачем? Ты что, пьяный?

– Никак нет. Так я не арестован?

Логинов слегка опустил взгляд, сосредоточив свое внимание на руке майора, сжимавшей ремень автомата. На костяшках пальцев темнели едва начавшие подживать характерные ссадины.

– А что, – снова поднимая глаза, спросил он, – есть за что?

– Всегда найдется за что, – сказал Быков. – Даже когда не за что, все равно найдется.

Несмотря на этот дерзкий намек на дела давно минувших дней, майор неувовимо переменился. Он по-прежнему стоял навтыжку, глядя прямо перед собой, но Андрей Никитич знал его как облупленного и отлично видел, что у него отлегло от сердца. «Опять накуролесил», – подумал он, не испытав при этом никаких особенных эмоций: ТиРекс – он и есть Ти-Рекс.

– Не понимаю, о чем ты, – слегка покривив душой, сказал он. – У меня к тебе дело, и если тебя кто и собирается арестовать, то, уж поверь, не я.

– Ага, – слегка отмякнув, позволил себе еще одно неуставное высказывание Быков. – А я-то думал... Ну, ладно. Значит, со временем из сопляка может получиться толк.

Генерал снова покосился на его кулак, но руки Быкова уже были опущены по швам, и ссадины на костяшках пальцев скрылись из вида. Все было ясно. Педагогические методы майора всегда представлялись Андрею Никитичу сомнительными с общепринятой точки зрения, но зато действенными и эффективными. Понапрасну он рук не распускал и если давал кому-то отведать своего пудового кулака, то исключительно по необходимости, в тех редких случаях, когда был уверен, что иные меры воздействия бесполезны. Ход его мыслей был прост и неоспорим: на войне солдат должен быть солдатом, безо всяких «почти» и «более или менее», потому что в один прекрасный день от него, может статься, будет зависеть выполнение боевой задачи и жизни товарищей. И если есть в нем слабость, червоточинка, которую не удастся удалить ни словами, ни нарядями вне очереди, приходится ее из него выбивать. Ведь плохой солдат – не бракованный шуруп, который можно в любое время заменить другим. Тем более что другой может оказаться таким же или еще хуже. И что тогда? Отправить сопляка, который боится впервые в жизни шагнуть в пустоту за порогом десантного люка, домой, к маме? О, это был бы прецедент, после которого Вооруженные силы прекратили бы свое существование, самое большее, через год...

– Ты поаккуратнее все-таки, – сказал он. – Не хватало тебе еще неприятностей с Комитетом солдатских матерей...

– А при чем тут солдаты? – пожал могучими плечами Быков. – Так, заступил один чудак дежурным по части. Проверял посылки, которые в роту пришли, ну и... Тут конфеткой угостится, там ему коробка зефира приглянется или пачка сигарет... Что ж мне, рапорт на него составлять, что ли? Он ведь не клептоман, а просто салага, да к тому же из детдома. Привык, что все общее, да и конфет этих отродясь досыта не ел, вот и повело кота за салом...

– А если б он на тебя рапорт настрочил? – спросил Логинов.

– Так ведь не настроил же, как я понимаю. Я другого не пойму: зачем это я вам понадобился? Дело... Для дела я, согласно заключению дисциплинарной комиссии, теперь не гожусь: недостаточно выдержан и благонадежен, склонен к подрыву дисциплины, партизанщине и рукоприкладству в отношении старших по званию...

– Если бы дисциплинарная комиссия внесла в заключение последний из перечисленных тобой пунктов, ты бы сейчас не новобранцев муштровал, а вшей в камере давил, – напомнил генерал.

– И я даже знаю, кого должен за это благодарить, – подхватил Быков. – Спасибо, товарищ генерал-майор! Земной вам поклон – и от меня, и от ребят... И еще спасибо, что не пришили нам какой-нибудь там... этот... геноцид!

– Слушай, – потеряв терпение, сдержанно вспылил генерал, – ты чего ко мне привязался, а? Ко мне-то у тебя какие претензии? Если так обижен на армию, кто тебе мешает снять погоны? А если недоволен Россией, так в любой другой точке света твоим талантам найдется достойное применение. Чего ты от меня хочешь – чтобы я время вспять повернул? И сядь ты, наконец, шея болит на тебя смотреть!

Быков немного помолчал, потом фыркнул, хмыкнул и сел, поставив автомат между колен. Старый полумягкий стул придушенно скрипнул под его тяжестью. Генерал тоже уселся, заняв место хозяина кабинета, и придвинул к себе пепельницу. Движения у него были немного порывистые, и Быков, за прошедшие годы не утративший наблюдательности, это заметил.

– Ну, всё, всё, остынь, ваше превосходительство, – сказал он. – Гляди-ка, обиделся! Ничего, переживешь. Нам, поди, обидней было. Давай выкладывай, с чем пожаловал.

– Есть работа, – закуривая, сказал Андрей Никитич. – Причем как раз по твоей части. Вчера пропал один человек. Его надо найти.

– Ничего себе – по моей части! – насмешливо фыркнул майор. – Я тебе кто – милиция? ФСБ? Служебно-разыскная собака?

– Ты разведчик, – сказал генерал. – Причем хороший – как раз такой, какой нужен.

– Надо же, вспомнили! А ничего, что я два с половиной года не в разведку ходил, а учил новобранцев отличать правую ногу от левой?

– Думаю, ничего, – сказал Андрей Никитич. – Тем более что выбора у нас все равно нет.

– У кого это у вас?

Генерал вздохнул.

– Информация секретная, Роман Данилович, – сказал он. – Ее огласка, независимо от того, насколько широкой она будет, может привести к крайне нежелательным последствиям...

– Например?

– Например, третья чеченская.

– Хорошо, что не мировая. Что ж, боишься, что я пойду трепаться, – не говори. Поищи кого-то более надежного... Не понимаю, кстати, почему с таким серьезным делом ты явился ко мне. В России столько силовых структур...

– И любая из них может быть причастна к исчезновению нашего клиента. А у тебя, – генерал усмехнулся, – у тебя алиби. Ты во время похищения торчал на полигоне в тысяче километров от места происшествия. Кроме того, этот человек – бывший десантник и мой личный друг. Мы вместе прошли Афган, и...

– Вот с этого и надо было начинать, – перебил его Быков. – Валяй излагай.

– То есть ты согласен?

– А ты сам-то как думаешь? Что бы ты сам ответил на моем месте – что хочешь и дальше торчать тут, в учебке, и гадать, сколько твоих курсантов доживет до дембеля?

– Хорошо, – сказал Андрей Никитич, постаравшись произнести это как можно сдержаннее, чтобы по голосу не было понятно, насколько это в самом деле хорошо. – Тогда перейдем к делу.

Он расстегнул привезенный с собой портфель, вынул оттуда большой конверт из плотной бумаги, выудил оттуда и положил на стол фотографию Расула Магомедова.

– Вот человек, которого ты должен найти, – сказал он.

Глава 3

Тренировка подходила к концу. В небольшом, хорошо освещенном спортивном зале стоял привычный рабочий шум. Слышались азартные вскрики, шаркали и шлепали по матам босые ноги, то и дело кто-нибудь, описав в воздухе короткую стремительную дугу, с громким хлопком падал на пол. Миловидная блондинка в черном кимоно старательно и безуспешно пыталась опрокинуть своего рослого спарринг-партнера, который весил килограммов на тридцать больше и наблюдал за ее усилиями со снисходительной полуулыбкой. Девушка была вполне ничего себе; звали ее Юлей, она посещала занятия вторую неделю и до сих пор отклоняла все предложения Якушева куда-нибудь сходить, что-нибудь выпить, чем-нибудь закусить и на что-нибудь посмотреть. Якушев не отчаивался, поскольку знал: неприступных крепостей не бывает. Случается, конечно, что победа не стоит затраченных на нее усилий, но не беда: в конце концов, когда станет ясно, что осада чрезмерно затянулась, можно будет отступить и пойти на штурм какой-нибудь другой, не столь упорно обороняемой твердыни.

Он подошел, деликатно отстранил раскрасневшуюся блондинку и показал, как надо, аккуратно уронив ее партнера спиной на маты. Затем помог ему подняться и показал еще раз – медленно, этап за этапом, движение за движением.

– Вот так, – сказал он, жестом предлагая девушке вернуться в пару. – Внимательнее, Юля. Это же всего-навсего подсечка. Сами видите, провести ее намного проще, чем пригласить вас в кафе.

Пропустив мимо ушей последнее замечание инструктора, девушка вцепилась обеими руками в кимоно партнера, поджав губы, примерилась и резко провела подсечку – не совсем чисто, но на этот раз результативно. Партнер шумно обрушился на мат; он даже не успел толком сгруппироваться, так как явно не ожидал, что прием окажется удачным.

Якушев посмотрел на электрические часы, что висели над входом. До конца тренировки оставалось три минуты.

– Хорошо, – похвалил он девушку. – Еще пару-тройку раз для закрепления, и на сегодня достаточно. В среду я займусь вами индивидуально. Надеюсь, это предложение вы не отклоните.

– Вы тренер, – улыбнулась польщенная похвалой блондинка. – Здесь, в зале, ваше слово – закон.

– Как же это я сразу не сообразил? – притворно огорчился Якушев. – В среду приду с цветами и шампанским... Шучу, шучу. Работайте, Юля, до конца тренировки еще три минуты.

Блондинка не заставила себя упрашивать и с энтузиазмом швырнула на маты утратившего бдительность спарринг-партнера, который с широкой понимающей улыбкой наблюдал за заигрываниями тренера. Улыбка пропала еще в воздухе, а когда лопатки здоровяка с громким шлепком соприкоснулись с кожаным матом, на смену ей пришла болезненная гримаса: прием был проведен неожиданно, и зазевавшийся мужчина опять не успел сгруппироваться.

– Внимательнее, – сказал ему Якушев. – На улице вас никто не станет заранее информировать о своих намерениях.

Он снова посмотрел на часы. Оставшиеся до конца занятия две минуты внезапно показались вечностью, и привычное желание плюнуть на маты и, даже не переодевшись, хлопнуть дверью и уйти куда глаза глядят, стало почти непреодолимым. «Тоска», – подумал Якушев, направляясь в тренерскую.

Здесь уже была Даша – тренер по аэробике, группа которой должна была занять зал после группы Якушева. Стоя перед открытым шкафчиком в одних микроскопических трусиках, Даша что-то искала внутри. Она не смутилась при виде Якушева, так же, впрочем, как и он при виде ее обнаженного тела не испытал никаких особенных эмоций. Глядя на нее, он

получал чисто эстетическое удовольствие, как от созерцания породистой лошади, красивой картины или цветка – словом, любого проявления природной красоты. Когда-то Юрий смотрел на Дашу иначе; они переспали три или четыре раза, после чего спокойно разошлись, не имея друг к другу никаких претензий. В свое время Даша отдала дань увлечениям дзюдо и бодибилдингом; у нее был бойцовский характер, замашки лидера и стальная мускулатура, и секс с ней напоминал обоюдное изнасилование с элементами вольной борьбы и кикбоксинга. Неизвестно, какого мнения осталась Даша о мужских способностях Юрия, но сам Якушев, при всем к ней уважении, пришел к выводу, что ему нужна партнерша помягче.

– Привет, – не оборачиваясь, сказала Даша. – Уже закончил?

– Типа того. – Якушев повалился в кресло перед столом, выдвинул ящик, подержался за пачку сигарет, но, покосившись на Дашу, убрал руку. – Ты себе просто не представляешь, до чего мне все это надоело!

Даша, уже успевшая натянуть гимнастический купальник, высунулась из-за перегородки, отделявшей тренерскую раздевалку от офиса, и посмотрела в зал через стеклянную перегородку.

– Блондиночка? – тоном эксперта поинтересовалась она. – В черном кимоно, да? Не дает. Вот горе-то!

– Это не горе, – возразил Якушев. – Это – так, временные трудности. Просто кисло мне как-то в последнее время. Погода, что ли, на мозги давит?

В полупустом ящике стола, где, помимо пачки сигарет и зажигалки, обретались несколько скрепок, пепельница, пачка бумаги для записок, шариковая ручка и два засохших стержня, лежала старая черно-белая фотография. Якушев давно собирался вставить ее в рамку и поставить на стол или, скажем, повесить на стену, но ему все время что-нибудь мешало – то какие-то срочные дела, то собственная забывчивость, а в первую очередь четкое осознание того, что, постоянно находясь на виду, этот снимок окончательно отравит ему и без того не слишком веселое существование. Перед выходными он принес его сюда, рассчитывая зайти в магазин и подобрать рамку по пути с работы, но с работы почему-то отправился не домой, а в бар, где этой фотографии было решительно нечего делать. Так что все выходные она пролежала тут, в ящике стола, и попалась Якушеву на глаза как раз в тот момент, когда и без нее было тошно.

С фотографии на него смотрела группа вооруженных людей в маскировочных комбинезонах, снятая на фоне дымящегося остова сгоревшего дотла грузовика. Якушев стоял вторым справа. В центре группы башней возвышался Ти-Рекс; Жук стоял так, чтобы намокший от крови бок командира не попадал в кадр, а Баклан, сидя на корточках и держа на коленях автомат, скалил в улыбке крупные белые зубы. Макар стоял немного на отшибе, держа на плече трубу гранатомета, и не улыбался, как будто уже тогда знал, что его ожидает.

Помимо всего прочего, этот снимок служил неопровержимым доказательством того, что Юрий Якушев, с некоторых пор известный в узком кругу проверенных людей под кличкой Спец, неизлечимо болен типично русской болезнью, проявляющейся через склонность регулярно, раз за разом наступать на одни и те же грабли. Ему очень хорошо помнилось, как, увольняясь по собственному желанию из спецназа, он обещал себе, что больше никогда не наденет военную форму. Позже, уже на гражданке, ему неоднократно приходилось клясться себе, что вот этот раз – самый последний и следующего уже никогда не будет. Он больше никогда не возьмет в руки оружие, никогда не выстрелит в человека, никогда никого не убьет.

«Никогда не говори „никогда“», – помнится, любил повторять Джеймс Бонд, и судьба Юрия Якушева служила подтверждением правоты агента 007. На гражданке ему пришлось-таки повоевать, и, когда стало ясно, что его художества вот-вот получают соответствующую оценку в рамках Уголовно-процессуального кодекса, он обратился к знакомому военному. С учетом возраста и некоторых подробностей биографии говорить о возвращении в спецназ ГРУ уже не приходилось, но Юрию было все равно. Так он неожиданно для себя стал десант-

ником и попал под начало подполковника Быкова, о чем не пожалел ни разу до тех пор, пока с ними не приключилась та история. Неизвестно, как восприняли ее остальные и что каждый из них думал по этому поводу; что до Юрия, то он сразу понял: это – наказание ему за то, что снова надел форму и взял в руки оружие.

...Тот рейд Быков, кажется, затеял на свой страх и риск, никому не доложившись и никого не спросив. Такое, по крайней мере, у Якушева тогда сложилось впечатление, и теперь, спустя годы, оно превратилось в уверенность. Речь шла о довольно крупной партии стрелкового оружия и боеприпасов, которую везли в горы под видом гуманитарной помощи. Скрытность командира объяснялась просто: похоже, он подозревал, что к организации данной конкретной поставки причастен кто-то из штаба, и не хотел, чтобы предупрежденные заранее «чехи» изменили маршрут каравана. Неизвестно, подтвердились ли в дальнейшем его подозрения, но колонну группа накрыла в лучшем виде, и после непродолжительного боя от четырех грузовиков с оружием, патронами и взрывчаткой остались рожки да ножки. В перестрелке Быков ухитрился поймать шальную пулю и на целых две недели обосновался на койке полевого госпиталя.

Вот тогда-то все и произошло. В штаб поступила информация о схроне с оружием, оборудованном в подвале одного из домов в высокогорном селении, название которого все они запомнили до конца своих дней. Проверить эту информацию поручили группе Быкова. Поскольку сам Ти-Рекс находился в госпитале, командование принял Макар. Они вошли в селение на рассвете, без единого выстрела скрытно проникли во двор и, никого не потревожив, заняли позиции у окон и дверей. Макар подал сигнал и взялся за облезлую дверную ручку. Якушев часто видел эту сцену во сне, просыпаясь после этого в холодном поту и с отголосками собственного крика в ушах: Макар кладет руку в беспалой перчатке на железную ручку, осторожно тянет дверь на себя и исчезает в дымном кусте взрыва...

Решив, что попали в засаду, они открыли огонь. Во все стороны полетели щепки, осколки стекла, известковая пыль и куски штукатурки. В ответ не прозвучало ни единого выстрела. Тогда они вошли в дом и обнаружили там, внутри, тела пяти человек – женщины, старика и троих детей, самому старшему из которых на вид было не больше десяти лет. Оружие в подвале они тоже нашли – два автомата, несколько сот патронов и пять гранат.

Это действительно напоминало сон – страшный повторяющийся кошмар, преследующий человека до тех пор, пока тот не приземлится на койке психиатрической больницы или не наложит на себя руки. Сквозняк из разбитого окна, мертвые дети и автомат в неожиданно ставших непослушными, будто тоже мертвыми, руках...

Обнаруженные в доме тела были уже холодными и твердыми, как поленья, но человек с колючими глазами, который допрашивал их по одному, старательно пропускал эту информацию мимо ушей. Якушев загрустил: картинка вырисовывалась ясная и абсолютно безрадостная, в перспективе маячило уголовное дело с передачей подозреваемых местным властям, после чего жить им оставалось максимум до наступления темноты.

Потом следователь сменился, и один из караульных по секрету поведал Якушеву, что прежний дознаватель лежит в госпитале. Попал он туда после непродолжительного разговора с Быковым, который, узнав о происходящем, сбежал из палаты и попытался вступить за своих подчиненных. Дальнейшее было очень легко представить. Характер у Ти-Рекса всегда был тяжелый, а рука и того тяжелее. Слушать его следователь, естественно, не захотел, и Роман Данилович, потеряв терпение, перешел от слов к делу, в два счета отправив собеседника на свое место на госпитальной койке.

Потом вернулся из отпуска командир части полковник Миронов, вник в суть ситуации и принял меры к тому, чтобы дело спустили на тормозах. Совсем замять его, однако, не удалось. Оставшиеся в живых участники той неудачной вылазки – Жук, Баклан и Якушев – были уволены из армии, а Ти-Рекса, который в вылазке не участвовал, но зато нанес тяжкие телесные

повреждения сотруднику военной прокуратуры при исполнении тем служебных обязанностей, понизили в звании и отправили командовать ротой в учебном центре расквартированной где-то у черта на рогах дивизии...

– Кисло, говоришь? – переспросила Даша. Она подошла и присела перед Якушевым на краешек стола, поправляя гетры, так что ее гладкое загорелое колено оказалось на уровне его груди. – Да, выглядишь ты неважно. Оттого-то бабы на тебя и не клюют. Может, запремся и проведем сеанс горизонтальной психотерапии для повышения самооценки?

Это было предложено просто как аспирин. Даша вообще смотрела на вещи просто – не в силу приписываемой спортсменам молвой ограниченности, а из сугубо принципиальных соображений: жизнь сама по себе очень запутанная штука, так на кой ляд ее искусственно усложнять?

– Ну да, – хмыкнул Якушев, – с тобой повысишь самооценку. Какая самооценка может быть у выжатого лимона? Причем выжатого не вручную, а в соковыжималке.

– Слабак, – пренебрежительно объявила Даша. – Хотя есть мнение, что ты просто косишь под пингвина. Видали мы такие выжатые лимоны. На тебе же пахать можно!

– Мерси за комплимент, – сказал Якушев и все-таки вынул из ящика сигареты и пепельницу.

– Обалдел? – изумилась Даша. – Коляныч застучает – пробкой с работы вылетишь!

– Подумаешь, трагедия, – фыркнул Якушев, чиркая колесиком зажигалки. – Разве это работа?

– А по-твоему, нет? – Даша смотрела на него, смешно нахмурив тонко выщипанные брови. – Слушай, а кем ты был раньше?

– Неважно, – помрачнев, сказал Якушев. – Оттуда я вылетел вот именно пробкой. Это у меня хобби такое, а может, призвание – вылетать пробкой. Хлоп!

Засунув палец за щеку, он очень похоже изобразил звук извлеченной из бутылочного горлышка пробки, а потом закурил сигарету и демонстративно выпустил в потолок длинную струю дыма.

Даша отняла у него сигарету, затушила в пепельнице и бросила в мусорную корзину под столом.

– Глупости, – сказала она. – Что ты выдумываешь? Нельзя программировать себя на неудачу, потому что...

– Опять свои психованные брошюры читала? – с улыбкой перебил Якушев. – То-то я гляжу, что из тебя нынче специальная терминология так и прет: психотерапия, самооценка, программирование... Кругозор расширяешь, растешь над собой? Нет, Дарья, твои брошюрки мне не помогут. Сколько ни тверди – жизнь, мол, прекрасна и удивительна, – лучше она от этого не станет. Как ни уговаривай себя, что дерьмо вкусней конфеты, слаще оно от этого не сделается.

– Ну, ты чего, Юрка? – Протянув руку, Даша пятерней взлохматила ему волосы. – И правда, совсем скис... Ну, хочешь, выпьем? Часок посиди, я со своими коровами позанимаюсь, и пойдем. Тут за углом новый бар открылся, говорят, чумовой...

– Спасибо, Дашка, ты настоящий друг, – сказал Якушев и, поскольку не привык жать девушкам руки, пожал ей колено.

– Губа не дура, – произнес со стороны дверей смутно знакомый сочный мужской баритон. – Гляди, как устроился! Ты чем, щучий глаз, на рабочем месте занимаешься?

Даша и Якушев одновременно повернулись на голос, причем оба забыли о лежащей на Дашином колене руке, вызвавшей столь бурную реакцию посетителя. Их взорам предстал гренадерского роста и богатырского телосложения мужчина во влажной от моросящего снаружи дождя короткой кожаной куртке, линялых джинсах и прочных ботинках на толстой рубчатой

подошве. В коротких темных волосах блестели капельки воды, твердое загорелое лицо расплылось в неумелой улыбке.

– Ого! – рефлекторно отреагировала на появление этой колоритной фигуры Даша, а потом, спохватившись, строго сказала: – Мужчина, вы куда? На дверях написано: «Посторонним вход воспрещен». Вы что, читать не умеете?

– Мать моя женщина! – тихо ахнул Юрий. – Легок на помине. Знакомьтесь. Это Дарья, а это вот – Ти-Рекс.

– Похож, – сказала Даша.

– Иди сюда, трепло столичное, – сказал Якушеву майор Быков. – Я тебя научу Родину любить и старших уважать!

Якушев встал и очутился в медвежьих объятиях командира.

– Прощай, Дашка! – придушенно просипел он. – Завещаю тебе свой мотоцикл...

Быков выпустил его, и он принялся озабоченно ощупывать себя со всех сторон, проверяя, целы ли кости.

– Ну, ты здоров, Данилыч, – бормотал он. – Я и забыл, грешным делом, какой ты медведь...

– Неужто память такая короткая? – усмехнулся майор.

– Да вроде не жалуюсь... – начал Якушев и осекся, бросив случайный взгляд на Дашу.

Даша смотрела на Быкова приоткрыв рот, как ребенок на Деда Мороза, и пребывала в явном, хотя и немом восхищении. Юрий, удивляясь себе, почувствовал легкий укол ревности: на него Даша так не смотрела никогда, и он даже не подозревал, что кто-то может произвести на нее такое глубокое впечатление.

– Остынь, Дашка, – сказал он. – Данилыч у нас убежденный холостяк. В любом случае я тебе не позволю калечить моего командира.

– Дурак, – сказала Даша и поспешно вышла из тренерской.

Перед тем как за ней закрылась дверь, Якушев успел сделать еще одно открытие: он и не знал, что Даша, оказывается, умеет краснеть.

– Золотые слова, – с явным удовольствием глядя ей вслед, сказал Быков. – Дурак и есть. Зачем девушку обидел?

– Во-первых, обижать ее у меня и в мыслях не было, – заявил Якушев. – А во-вторых, это не девушка, а черт в юбке. А что, понравилась? Дерзай, Данилыч, путь свободен!

– Я бы дерзнул, – усмехнулся Быков, – да только... Ну, словом, как в той поговорке: и рад бы в рай, да грехи не пускают.

– Бывает, – сказал Юрий. – Ты какими судьбами в наших краях? Отпуск?

– Можно сказать и так, – кивнул Быков. – Решил, понимаешь, немного проветриться, активно отдохнуть... Вот, собираю компанию для пикника. Присоединиться не хочешь?

– Так-так-так, – заинтересовался Якушев. – Я что, пропустил начало Третьей мировой?

– Да нет, – усмехнулся майор, – имеешь реальный шанс успеть занять место в первом ряду.

– Данилыч, – прочувствованно произнес Якушев, – дорогой ты мой человек! Ты знаешь, как я тебя уважаю. Но не пошел бы ты в ж... со своими военизированными играми!

– Не понял, – строго сказал Ти-Рекс. – Ты чего нанюхался, боец?

– Ничего я не нанюхался, – буркнул Юрий. – И нечего на меня тарашиться, дыру протрешь!

– Может, все-таки объяснишь, в чем дело? Сроду за тобой не водилось ни трусости, ни хамства...

– Объясню, – сказал Юрий и действительно объяснил, постаравшись сделать свою речь как можно более краткой и убедительной, без литературных излишеств и общих мест. В резуль-

тате его выступление прозвучало, как рапорт, но Быков, кажется, его отлично понял. Да и чего тут было не понять?

– Хозяин – барин, – дослушав до конца, вздохнул Ти-Рекс. – Неволить не стану, упрашивать – тем более. Обойдемся без тебя – с трудом, но обойдемся. Я понимаю, такое переварить не каждый сумеет – женщины, дети, старики, да еще два раза подряд... Прости, я ж не знал, что ты у нас опытный истребитель мирного населения!

Юрий бросил на него свирепый взгляд, которого Быков, казалось, не заметил.

– Хотя жаль, конечно, – продолжал он. – Мы ведь, собственно, и пытаемся сделать так, чтобы никто из наших ребят больше не оказался на твоём месте, в твоей ситуации. Такая, понимаешь, перед нами в этот раз поставлена задача. Что из этого выйдет, не знаю, но попытаться, согласись, надо.

Юрий озадаченно хмыкнул: раньше он не замечал за Быковым склонности к пространственным речам и потрясанию такими общечеловеческими ценностями, как гуманизм и мир во всем мире. Роман Данилович вообще не любил болтать, он был человеком дела и никогда не тратил времени на уговоры: если имел такое право, просто бил по шее и ставил в строй, а если не имел – просто поворачивался и уходил.

– А в чем дело-то? – спросил он. – Что такое стряслось, из-за чего ты тут соловьем разливаешься? И на что тебе, кадровому офицеру десанта, понадобился штатский с подмоченной репутацией?

Быков кивнул и коротко описал ситуацию. Слушая его, Якушев снова вынул из ящика стола сигареты и закурил. Краем глаза он видел, что Даша, демонстрируя группе очередное упражнение, заинтересованно поглядывает на майора сквозь стеклянную перегородку. «Вот дает», – подумал он, сам не до конца понимая, кого имеет в виду – Быкова или Дашу. В то, что рассказывал ему Роман Данилович, он не особенно вдумывался: врать Ти-Рекс не умел и, если говорил, что дело чистое, наверняка в этом не сомневался. Он был не мастак по части распутывания чужих интриг и плетения собственных, но чутье у него было отменное, и в людях он ошибался редко – вернее сказать, почти никогда не ошибался.

Якушев вдруг почувствовал, что готов снова войти в темный сарай, где стоят рукояткой кверху его любимые грабли. Чтобы наверняка избежать ошибки, он попытался представить, что станет делать, отказавшись от предложения Ти-Рекса. Представить это было нетрудно: уроки фехтования в одном спортивном клубе, преподавание боевых единоборств в другом, платонический флирт с Дашей, мотоциклетные прогулки на самоубийственной скорости по ночным улицам, бары, дискотеки, кабаки, женщины на одну ночь, коммунальные платежи, проповеди о вреде курения из уст незабвенного Колянныча...

Дверь снова распахнулась, и в тренерскую вошел владелец и по совместительству главный менеджер спортивного зала Алексей Николаевич Веревкин, более известный как Колянныч.

– Якушев, опять?! – возмутился он, увидев в руке у своего подчиненного дымящуюся сигарету. – По-моему, я достаточно ясно высказал свое отношение к курению в спортзале. Мне что, действительно тебя уволить?

Юрий с наслаждением затянулся и с силой выдул дым в его сторону.

– Вообще-то, я хотел попросить отпуск за свой счет, – сообщил он. – Но ваш вариант мне нравится больше. Пожалуй, так мы и поступим.

* * *

Жуков стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел, как снаружи идет дождь. Лужи на вымощенном старыми бетонными плитами школьном дворе были рябыми, и в них ничего не отражалось, по карнизу размеренно стучали тяжелые капли. Этот стук в сочетании с бес-

порядочным шарканьем и скрежетом напильников напоминал какую-то варварскую мелодию: шарк, шарк, тук-тук-тук, шарк, шарк, тук-тук...

Мокрый бетон был усеян затоптанными желтыми листьями, сложенная из силикатного кирпича стена противоположного крыла посерела от сырости, а понизу местами проросла изумрудным мохом. Из-под припаркованной во внутреннем двореке «десятки» директора школы расплзлось радужное пятно, и Жуков понял, что скоро Сан Саныч опять придет к нему с замаскированным под просьбу приказом привести в чувство этот драндулет. Машину он купил с рук, крайне неудачно, ухаживал за ней из рук вон плохо, а эксплуатировал нещадно, и, если бы не Жуков, она давно приказала бы долго жить. Впрочем, если бы не эта телега, Жукова вряд ли приняли бы на работу: золотые руки, увы, не могут заменить педагогическое образование. Сан Саныч был его соседом по дому; однажды Жуков помог ему завести бастующую машину, они разговорились, и проблема трудоустройства решилась как бы сама собой. В какой-нибудь элитной гимназии этот номер не прошел бы, но школа была небогатая, переполненная отпрысками пролетариев и люмпенов, учителей в ней не хватало катастрофически, и администрация с охотой закрывала глаза на тот факт, что свой университетский диплом Жуков купил в подземном переходе. Если опустить эту несущественную подробность, во всем остальном Жуков стал для школы настоящей находкой. Молодой, практически непьющий (по крайней мере, на работе), с умными руками, светлой головой и характером, о который неизменно обламывали зубы даже самые отпетые из учеников, он пользовался повышенным вниманием женской части коллектива, к чему, учитывая внешние данные этого контингента, вовсе не стремился.

Глядя на дождь, он уже не впервые задумался о том, как дошел до жизни такой. В принципе, с его данными было не так уж сложно подыскать более престижную и намного лучше оплачиваемую работу, но с этим он не спешил: пока что ему было хорошо и здесь. Вот если бы еще не эта тоска, такая же серая, как брезживший за окном ненастный осенний денек! Она всегда приходила неожиданно, наваливалась, подминала, и ему всякий раз стоило огромных усилий не поддаться этой беспросветной серости и восстановить душевное равновесие.

Из коридора слышалось пронзительное дребезжание звонка, и сейчас же все здание наполнилось топотом и гамом. В мастерской забренчали швыряемые на верстаки напильники, начался гомон, грозящий в два счета перерасти в точно такой же рев, как тот, что слышался из коридора.

– Всем стоять, – не оборачиваясь, сказал Жуков. – Для кого дается звонок? Правильно, для меня, а не для вас. – Он повернулся к классу лицом. Пацаны стояли в разных позах, но все до единого напоминали замерших на старте бегунов. – Кто опоздает с перемены, получит наряд вне очереди на уборку мастерской. То же самое касается сигарет. Курить – здоровью вредить... Все свободны, встретимся через пятнадцать минут.

Старт был дан, и, когда за последним из бегунов захлопнулась дверь, Жуков привычно подивился тому, что этот стремительный и шумный исход обошелся без травм и поломок мебели и оборудования. Он закурил, включил вытяжную вентиляцию и неторопливо прошелся вдоль верстаков, разглядывая зажатые в тисках заготовки молотков. Процентом двадцать были испорчены безнадежно; пара-тройка заготовок обещала действительно превратиться в молотки, которыми можно пользоваться, не опасаясь изувечить себя и окружающих, а основная масса, как обычно, находилась на той стадии обработки, которая исключала вероятность завершения работы до истечения отведенного на нее программой времени. Жуков зевнул и мысленно пожал плечами: какая разница? Во-первых, эти молотки никому не нужны, а во-вторых, в наше время их никто не делает вручную, сверля в чугуновой болванке отверстия и час за часом шаркая по железу напильником. Да и кто сегодня пользуется напильником? Тот, что практически никто. А значит, цель занятия – научить пацанов держать напильник в руках – автоматически превращается в бессмыслицу. Как, собственно, и вся работа учителя труда Валерия Павловича Жукова...

Он отвернул кран жестяного рукомошника и сунул окурок под струю. Бычок коротко зашипел, вода унесла пепел в окаймленное рыжим пятном ржавчины отверстие стока. Жуков бросил размокший окурок в урну и легонько попинал ее носком ботинка, скрывая следы преступления. От тряски лежавшие в урне металлические опилки, стружка, обрывки замасленной ветоши и прочий мелкий мусор сместились, похоронив под собой улику, которая обесценивала проводимую Жуковым среди шестиклассников антитабачную агитацию. Покончив с заметанием следов, он уперся ладонями в край верстака, оторвал подошвы от пола и из этого положения неторопливо, со вкусом сделал стойку на руках. Пару раз отжавшись, он ловко соскочил с верстака на пол, сполоснул руки под краном, а потом, приняв душ и придя к выводу, что мощная вентиляционная система уже вытянула из мастерской остатки табачного дыма, выключил ее. Вой электродвигателя и гудение воздуха в жестяном коробе смолкли, и Жуков услышал доносящееся из ящика учительского стола придушенное жужжание поставленного в режим вибрации мобильного телефона.

Он недоволен поморщился. Ему звонили часто. Обходительный молодой мужчина с умными руками, светлой головой, приятной наружностью и массой других положительных качеств, особенно если он холост и вынужден зарабатывать на хлеб с маслом в поте лица своего, как правило, пользуется большой популярностью как у одиноких женщин, которым надо забить гвоздь или прочистить засорившуюся раковину, так и у мужчин, неспособных или считающих ниже своего достоинства делать некоторые вещи своими руками. Он понимал, что морщится напрасно: в конце концов, это его хлеб, его заработок, который сам просится в карман. Но у каждого человека бывают дни, когда ничто не мило и хочется только одного: чтобы его оставили в покое и не вспоминали о его существовании до тех пор, пока он сам не соскучится по человеческому общению.

Жуков взял в руки сначала себя, а потом и телефон. Телефон был из самых новых, дорогой, престижный. Валерий знал, что эта игрушка ему, скромному учителю труда из небогатой общеобразовательной школы, не по чину, но иногда позволял себе маленькие приятные мелочи наподобие вот этого телефона или позолоченной зажигалки. Окружающие расценивали это как безобидное чудачество, к которому следует относиться снисходительно: мужчина, даже если он всего лишь «трудолюбивик» – тоже человек, ему тоже хочется как-то украсить свою серенькую ничемную жизнь, а заодно продемонстрировать всем, что и он не лыком шит. Думать так никому не запрещается; кроме того, во многом те, кто так думал, были правы. В конце концов, покупать вещи, без которых вполне можешь обойтись, – это ли не чудачество?

Телефон, вопреки тайной надежде Жукова, продолжал звонить. Видневшийся на освещенном дисплее номер Валерий видел впервые в жизни, но в этом как раз не было ничего удивительного: ему часто звонили посторонние люди, которым его рекомендовали знакомые. В девяносто девяти случаях из ста такие звонки означали приработок – когда копеечный, когда покрупнее; оставшийся процент приходился на ошибочные вызовы.

Для верности пропустив еще пару звонков, он покорился судьбе и нажал клавишу соединения.

– Слушаю.

– Спишь, военный? – осведомился смутно знакомый мужской голос. – До тебя дозвониться труднее, чем до командующего ВДВ!

Упоминание о ВДВ расставило все по своим местам. Жуков улыбнулся. Это была не веселая улыбка, в которой в равных пропорциях смешались грусть, удивление и легкая досада.

– Я давно не военный, – сказал он. – Ты не поверишь, Данилыч, если скажу, кто я теперь такой.

– Так уж и не поверю, – хмыкнул в ответ майор Быков. – Хочешь, угадаю? Если не сильно изменился за эти годы, то, полагаю, пошел работать в школу. Думаю, физруком... Хотя нет, скорее трудолюбивиком.

– Это на каком же основании ты сделал такой вывод? – спросил искренне изумленный и даже слегка встревоженный такой нечеловеческой пронизательностью Жуков. На заднем плане в трубке послышалось чье-то сдавленное хихиканье. – Кто там с тобой?

– А ты выгляни в окошко, – посоветовал Быков и, подумав, добавил: – Дам тебе горошка...

Уже примерно представляя, что увидит, Валерий вернулся к окну и выглянул во внутренний дворик школы. Было всего три пополудни, вторая школьная смена началась только час назад, но на улице уже начало понемногу смеркаться, чему немало способствовали затянувшие небо низкие серые тучи. Из туч по-прежнему сеялся мелкий затяжной дождик. Посреди двора, заслонив от Жукова директорскую «десятку», стоял джип – вернее, «лендровер», выпущенный в те времена, когда внедорожники строились именно для передвижения по бездорожью, а не для того, чтобы пускать пыль в глаза на городских улицах. Это был пятиместный пикап с открытой грузовой площадкой; стекло со стороны водителя было опущено, позволяя видеть сидящего за рулем с сигаретой на губе Спеца. Рядом с машиной прямо посреди мелкой лужи стоял и, глядя на Жукова, сдержанно улыбался Ти-Рекс собственной персоной – как и раньше, огромный, плечистый, в блестящей от дождя кожаной куртке и линялых джинсах, заправленных в высокие грубые ботинки на толстой подошве.

– Выходи, – сказал он, и Якушев со своего места поманил Жукова рукой. – Есть разговор.

– О чем? – спросил Валерий, хотя знал, что все равно выйдет – просто не сможет не выйти, потому что это ведь не кто-нибудь стоял там под дождем, а Ти-Рекс и Якушев – огромная и, пожалуй, самая значительная часть его судьбы, здоровенный кусок живой плоти, который какие-то сволочи без анестезии оттяпали от него и выбросили на помойку. Вернее, это самого Жукова выбросили на помойку, а нормальная человеческая жизнь, как он себе ее тогда представлял, пошла дальше без него...

– Ты мне нужен, – как всегда, просто, без экивоков сказал Быков.

– Зачем? – спросил Валерий.

Разговаривать по телефону, глядя друг на друга через грязное оконное стекло, было неловко и странно, как будто бывшие сослуживцы пришли навестить его в больнице... или в тюрьме.

– Затем же, зачем и всегда, – сказал Ти-Рекс, и Валерий увидел, что он больше не улыбается. – Родине служить.

– Можно было и не спрашивать, – фыркнул Жуков. – Ты же знаешь, Данилыч, у меня с Родиной взаимоотношения довольно сложные. Извини, но я должен подумать.

– Конечно, – кивнул Быков. – Подумать – святое дело. Подумай... пока по коридору идти будешь.

Он прервал соединение, сунул в карман телефон и полез в машину. Жуков тоже выключил телефон, рассеянно отвел в сторону полу синего рабочего халата и опустил трубку в карман брюк. Он вдруг поймал себя на том, что улыбается. Думать было не о чем, и мстить майору за то, в чем были виноваты другие, не имело ни малейшего смысла.

Жуков подошел к доске, заскорузлой тряпкой стер с нее чертеж головки молотка, взял мел и крупными печатными буквами написал: «ВСЕ СВОБОДНЫ». Вытер испачканные мелом пальцы полой халата, снял его и повесил на спинку стула, а потом, поддавшись искушению, взял со стола напильник, на который все собирался, да так и не собрался насадить рукоятку. Шершавое железо удобно, знакомо легло в ладонь; Жуков слегка подбросил его на руке, будто взвешивая, а потом с силой метнул через всю мастерскую в дверь инструментальной кладовой. На двери висел плакат по технике безопасности, на котором был изображен токарь за работой – в натянутом до ушей берете, в защитных очках и с очень серьезным выражением лица. Просвистев в воздухе, напильник смачно, со стуком и треском, вонзился в нарисованное лицо точно посередине и застрял, насквозь пробив фанерную дверь заостренным концом. Он торчал

под небольшим углом вверх, делая токаря на плакате похожим на Буратино, не выстроганного из полена, а изготовленного из чего придется в слесарной мастерской.

Жуков достал из шкафа куртку и двинулся к выходу, но на полпути, услышав в коридоре знакомый гам и топот множества ног, передумал и повернул к окну. Замазанные краской шпингалеты один за другим неохотно вышли из гнезд, разбухшая, перекошенная рама задребезжала, в лицо ударил ветер пополам с дождем. Жуков одним движением перемахнул через подоконник, и через несколько секунд его уже немилосердно трепали и мяли две пары крепких, хорошо знакомых рук.

Когда трехэтажное здание школы наполнилось похожим на колокола громкого боя пронзительным дребезжанием звонка, старого «лендровера» во внутреннем дворике уже не было. Там стояла только тронутая ржавчиной белая «десятка» директора, из-под которой все шире растекалось радужное пятно пролитого моторного масла.

Глава 4

Баклан проснулся в сумерках и первым делом схватился за часы, испугавшись, что проспал. Насчет опозданий и всего прочего у них было очень строго, а ему вовсе не улыбалось снова потерять работу. Не то чтобы он ею сильно дорожил – пропади она пропадом, если честно, – но надо же человеку что-то есть и чем-то расплачиваться по счетам!

Часы показывали всего около четырех пополудни. Баклан спросонья потряс их и уже собрался поднести к уху, чтобы послушать, тикают они или остановились, но тут остатки сна улетучились, он окончательно пришел в себя, опомнился и поставил электронный будильник обратно на тумбочку.

– Идиот, – пробормотал он, и его голос прозвучал в пустой, скудно обставленной квартире сиротливо и ненужно.

Он сел, заскрипев пружинами старого дивана, натянул до колен джинсы и подобрал с пола скомканные носки. Свежесть носков вызвала у него некоторые сомнения; поочередно их понюхав, Баклан пришел к выводу, что для сельской местности сойдет и это. Он надел старенький тельник, голубые полоски которого выгорели почти добела, а белые заметно посерели от времени, застегнул, встав с дивана, джинсы и, не позволяя себе лениться, убрал постель – скатал ее в продолговатый ком и затолкал в ящик под сиденьем.

Покончив с одеванием и уборкой, Баклан отправился на кухню варить кофе. Засыпав в холодную воду изрядную порцию молотых зерен, он поставил турку на огонь и закурил, привычно наплевав как на грозные предупреждения Минздрава, так и на общепринятое мнение, согласно которому нет ничего вреднее, чем курить натошак.

Первая затыжка, как обычно, прогнала остатки сонной одури. С самого момента пробуждения Баклан пытался припомнить, что ему сегодня приснилось. Видимо, это было что-то особенное, из ряда вон выходящее, иначе знакомый вид из окна сейчас не казался бы таким унылым, а настроение не было бы таким скверным. Выковыривая из пачки сигарету, он почувствовал, что уже начинает что-то припоминать, но вместе с остатками сонливости, увы, улетучилось и воспоминание о сновидении.

«Ну и черт с ним», – решил Баклан, переливая курящийся ароматным паром напиток в большую фаянсовую кружку с крупно выведенной золотом надписью «BOSS». Он закурил вторую подряд сигарету, уселся за придвинутый вплотную к окну стол и стал смотреть на улицу, чередуя глотки с затыжками.

За окном в сгущающихся сумерках неподвижно повисла серая ненастная мгла – то ли туман, то ли потерявшая высоту и опустившаяся на город туча. Она накрыла дома, как сырой десантный купол, и сверкающие неровными россыпями освещенных окон высотные здания напоминали флотилию океанских лайнеров, пробирающихся через неприветливые северные воды тропой «Титаника». Асфальт мокро лоснился, повсюду тускло блестели рябые от дождя лужи, и оконное стекло тоже было рябым от осевших на нем капель. Немногочисленные деревья, которым удалось выжить в этом отравленном, загазованном аду, почти облетели, вытоптанные газоны вокруг них были пестрыми от мертвых листьев. С высоты двенадцатого этажа эти листья походили на обыкновенный мусор, которого на газонах тоже хватало; высота и расстояние скрадывали скорость, и бегущие по улице машины с включенными по случаю плохой видимости фарами отсюда напоминали медлительных насекомых.

Кофе был выпит, сигарета выкурена почти до фильтра. Баклан сполоснул и поставил в сушилку кружку, опорожнил пепельницу в мусорное ведро и тоже вымыл – тщательно, до скрипа, поскольку не переваривал свинства в любых его проявлениях и не утратил привитой армией любви к чистоте и порядку. Он огляделся, но больше убирать было нечего. Тесная кухня, обставленная немногочисленной мебелью мафусаилова века, вряд ли украсила бы

собой обложку глянцевого журнала, но зато сверкала чистотой. Все стояло, лежало и висело на своих, раз и навсегда отведенных местах, на горизонтальных поверхностях не усматривалось ни пылинки, ни пятнышка, а старенький потертый линолеум выглядел прямо-таки стерильным, хоть ты его на стол вместо скатерти стели.

Убедившись, что на кухне царит столь милый его сердцу порядок, Баклан отправился приводить в порядок себя. Зеркало в ванной отразило круглую смешливую физиономию, которая за последние годы стала уже не такой круглой и смешливой, как прежде, и обтянутый старым тельником крепкий торс, еще хранящий следы летнего загара. На левом трицепсе синела поблекшая татуировка с парашютами, крыльями и автоматом Калашникова – творение татарины Рената Назмутдинова по кличке Орда, убитого пулей снайпера под Гудермесом. Татуировка на правом плече была намного новее и качественней; сделанная в столичном тату-салоне, она изображала ныряющего баклана – птицу, название которой стало для Георгия Лугового вторым именем.

Луговой был человек не особенно осторожный и абсолютно не дипломатичный. Даже то, каким образом он приобрел и сохранил за собой свою кличку, говорило о его неосторожности. Еще в учебке, когда стало известно, что назавтра их ожидает прыжок с вертолета в воду, курсант Луговой во всеуслышание объявил, что это испытание ему нипочем, потому что он ныряет, как баклан. «Ну, прыгай, баклан», – сказал через двенадцать часов сержант, подталкивая оробевшего курсанта к открытой двери, за которой ревел и свистел рассекаемый винтами воздух. С тех пор прозвище прилипло намертво – зубами не оторвешь. Впрочем, Баклан и не собирался его от себя отрывать: это была память об армии, о войне и о ребятах, вместе с которыми он эту войну прошел. Вот только о том, чем и как все это кончилось, Луговой вспоминать не любил: хоть воды с тех пор утекло уже немало, обида и горечь не проходили. Они были так сильны, что он даже не пытался разыскать армейских друзей, чтобы узнать, как они устроились на гражданке. По той же причине он никогда не принимал участия в шумных празднованиях Дня ВДВ. А поскольку и его тоже никто не искал, он, хоть и не блистал выдающейся остротой ума, сообразил: парням тоже горько, и они, как больные животные,лизывают свои раны поодиночке, избегая встреч с теми, кого, образно выражаясь, контузило тем же разрывом.

Жизнь его после увольнения из армии складывалась не так чтобы очень гладко. Он то находил, то терял работу, знакомился и расставался с девушками, постепенно приходя к выводу, что либо не там ищет настоящую подругу, либо никаких настоящих подруг нынче просто нет – вывелись, вымерли, как динозавры, оставив мужиков на растерзание странным существам – с виду вроде бы бабам, а по сути, вот именно, кровожадным ящерам, у которых на уме нет ничего, кроме денег. А поскольку денег у Баклана было негусто, каждая новая пассия, выжав досуха, безжалостно его бросала и отправлялась на поиски очередного спонсора. После третьего раза Баклан перестал расстраиваться по этому поводу, а потом и вовсе свел свое общение с противоположным полом к чисто физиологическим отправлениям: познакомились, выпили, переспали и поминай как звали...

Друзей, сравнимых с теми, что были в армии, у него тоже не завелось. Он этого и не ждал и ни к чему такому не стремился, потому что понимал: прошлого не вернешь, и того, что было раньше, уже никогда не будет. Тем более ничего подобного не будет здесь, в Москве, где остервенелые люди все время куда-то торопятся и на бегу жрут друг друга, как пауки в банке, просто потому, что не находят иного выхода для своей тоскливой злобы. Вокруг были знакомые, соседи, коллеги по работе, с которыми он старался поддерживать приятельские отношения. При этом очень быстро выяснилось, что ухо надо постоянно держать остро. Знакомые все время в чем-то нуждались, о чем-то просили, а потом, получив желаемое, переставали его узнавать или, если речь шла о данных взаймы деньгах, просто исчезали в неизвестном направлении. Соседи непрерывно что-то делили, затевали склоки, заключали временные военные союзы, норовя залучить Баклана в свои ряды, а когда это не получалось, дружно ополчались на

него. Что до коллег, то все они были заражены бациллой карьеризма, и даже последний уборщик всеми силами стремился получить если не повышение по службе, то хотя бы премию или прибавку к жалованью. И если иного способа выдвинуться не находилось, желаемый результат достигался путем мелких интриг и вульгарного стукачества. Это напоминало барахтанье в болоте, когда люди карабкаются друг на друга, топят друг друга в трясине, чтобы по головам утопленников добраться до спасительной кочки.

Баклана такая жизнь решительно не устраивала, но он не видел способа ее изменить. Единственная предпринятая попытка быть, как все, оказалась неудачной и стоила ему высокооплачиваемой работы в службе безопасности крупной коммерческой фирмы. Она же окончательно разочаровала его как в людях, так и в собственной способности плести интриги и карабкаться к высотам карьерного успеха по чужим головам. Однокомнатная квартирка в Марьино, доставшаяся в наследство от покойной двоюродной тетки, была неплохим стартовым капиталом, с которым, в принципе, ничего не стоило начать новую жизнь в провинции. Но Луговой не без оснований подозревал, что в плане человеческих отношений провинция немногим лучше Москвы. Только жизнь там не в пример беднее, и если в Москве тебя могут прирезать за рубль, то за пределами МКАД тебя удавят за копейку.

Сейчас он работал охранником в ночном клубе. И если пару лет назад мысли о том, куда он катится, просто не приходили ему в голову, то сейчас Баклан начал все чаще об этом задумываться, а задумавшись, всякий раз пугался: неужели теперь так будет всегда? Поверить в то, что малопочтенная должность вышибалы является его потолком, было нелегко, но он, хоть тресни, не видел, куда еще податься.

Соскребая с физиономии щетину дешевой одноразовой бритвой, Баклан неожиданно вспомнил, о чем был сегодняшний сон. Ничего особенного ему поначалу не снилось: он опять очутился на войне и снова шел в разведку вместе с ребятами. Впереди, как обычно, двигался Ти-Рекс, такой громадный, что оружие, которым он был увешан, как новогодняя елка, казалось игрушечным. За командиром, ступая след в след, скользящей походкой прирожденного слепопыта и опытного головореза поспевал Жук; за Жуком шел Якушев с «драгуновкой» наперевес. Замыкал колонну Макар; во сне он был жив-здоров и, как обычно, успевал одновременно вести наблюдение на все триста шестьдесят градусов, как будто имел четыре пары глаз – по одной дополнительной возле каждого уха и еще одну на затылке. Баклан шел между ним и Якушевым – в полной боевой выкладке, с автоматом под локтем и с притороченным поверх вещмешка гранатометом за плечами – и в какой-то момент вдруг обнаружил, что ребята его не замечают, как будто он стал невидимкой, а то и просто умер, превратившись в бесплотный призрак. Это было жутко до оторопи, но он не проснулся, а просто перескочил в какой-то другой сон, настолько никчемный и пустой, что в памяти от него ничего не осталось.

Баклан невесело усмехнулся своему отражению в зеркале, и до самых глаз испачканное наполовину соскобленной пеной для бритья отражение так же криво усмехнулось ему в ответ. Теперь, по крайней мере, было ясно, откуда у него это поганое, тягостное ощущение надвигающейся неизвестно откуда беды. Правда, легче ему от этой ясности не стало – наоборот, в голову полезли какие-то дурацкие мысли: а ну, как сон в руку? Может, ему и впрямь недолго осталось коптить небо?

Опрыскиваясь одеколоном, он подумал, что в этом нет ничего невозможного и что для всей этой мистики – вещих снов, дурных предчувствий и прочей сомнительной бодяги – существует вполне научное определение: интуиция. В той или иной степени она от рождения присуща каждому человеку, а регулярно совершаемые прогулки вроде той, что приснилась ему сегодня, весьма способствуют развитию этого ценного качества. Например, в самом начале знакомства, когда Баклан только-только подписал контракт на сверхсрочную и попал под начало майора Быкова, Ти-Рекс казался ему чуть ли не ясновидящим. Его невероятное чутье на опасность уже на памяти Лугового сто раз спасало их шкуры, а со временем Баклан и

сам научился не игнорировать тихие звоночки, поступающие из темных глубин подсознания: берегись, дурак, не влезай – убьет...

Уминая плотный завтрак, который у нормального человека считался бы поздним обедом, если не ужином, он подумал, что, возможно, интуиция тут вовсе ни при чем. Просто спать надо, как все приличные люди, в темное время суток. А днем, при свете, да еще после ночи, проведенной в нестерпимом грохоте, сутолоке, дыму и режущих глаза вспышках стробоскопов, еще и не такое может присниться...

Выходя из дома, он прихватил с собой мусор. Как всегда, ему вспомнилась примета, согласно которой мусор на ночь глядя выносить нельзя – не будет денег. Он усмехнулся: а когда еще прикажете его выносить? Утром, что ли, после смены специально спускаться с двенадцатого этажа? Мусоропровод-то, спасибо коммунальным службам, не работает чуть ли не с момента сдачи дома в эксплуатацию...

На улице уже совсем стемнело, вдоль улицы тускло, вполнекала тлели фонари. Лампы в них были ввернуты импортные, повышенной интенсивности, но освещали они в основном сами себя – интенсивность интенсивностью, а против физики не попрешь: если на прибор подавать только половину, а то и четверть расчетного напряжения, он и работать будет точно так же, в четверть силы...

Пакет с мусором описал в воздухе пологую дугу и почти беззвучно канул в грязную жестяную пасть контейнера. Бросок был произведен метров с десяти и с высокой точностью – как всегда, даже когда метатель бывал нетрезв.

– Трехочковый, – с удовлетворением объявил Баклан, в юности увлекавшийся баскетболом, и направился к стоянке, где скучала под моросящим дождем, дожидаясь хозяина, его немолодая «девятка» престижного некогда цвета «мокрый асфальт».

И тут ему преградили дорогу. Двое в кожаных мотоциклетных куртках-«косухах» вышли из темноты за пределами отбрасываемого фонарем светового круга и остановились, красноречиво поигрывая принесенными с собой предметами. Один из этих предметов представлял собой приводную цепь от мотоцикла, другой – бейсбольную биту, которой, судя по мелким выщерблинам на толстом конце, уже довелось побывать в деле, и не раз.

Услышав за спиной шаги, Баклан быстро обернулся и увидел еще двоих, приближавшихся со стороны контейнерной площадки. Они тоже были в черных кожанках, но Баклан сомневался, что это байкеры или, скажем, поклонники тяжелого рока. Просто для страны не прошли даром уроки лихих девяностых, и нынче каждая собака знает: черная кожанка стала своеобразной униформой бандитов не потому, что это красиво или модно, а по той элементарной причине, что с нее легко, буквально в два счета смывается кровь – неважно, своя или чужая. Порвать ее тоже непросто, вот и выходит, что для рукопашной лучшей одежды не придумаешь – и легко, и удобно, и практично...

Еще четверо подтягивались справа и слева, беря жертву в кольцо. Баклан недобро усмехнулся про себя: жертва? Ну-ну. Хотите танцев – будут вам танцы. Знать бы еще, кто заказал эту музыку, а то для банального гоп-стопа народу что-то многовато, целый ансамбль песни и пляски Московского Краснознаменного военного округа...

– Вы чего, мужики? – умело имитируя легкий испуг, поинтересовался он.

– Мужики землю пашут и на зоне тапочки шьют, – ответили ему многообещающим тоном. – Сейчас мы тебя в эти тапочки обуем и в землю положим. Я ж тебя, суку, предупреждал: держи грабли при себе!

Говорил тот, что с битой, и теперь Баклан его узнал. Этого сопляка, пьяного вдребезги и обкуренного до полной потери ориентации в пространстве и времени, он три дня назад выставил из клуба – вернее сказать, выкатил пинками, поскольку в каждой руке держал еще по одному вяло брыкающемуся и извергающему скверную брань обормоту. Несвязным хором эта троица наобещала ему массу приятных вещей; он, грешным делом, об этих обещаниях забыл,

поскольку не верил, что хотя бы один из троих сумеет наутро припомнить, где был и что делал. Как теперь выяснялось, он ошибся: ребята оказались не только памятьливыми и мстительными, но и чертовски упорными, раз ухитрились его выследить.

– Не надо, пацаны, – попросил он. – Зачем?

– Сейчас объясню, – пообещал владелец биты.

Ободренный трусливым тоном Баклана, он совершил грубую тактическую ошибку, шагнув вперед и замахнувшись раньше, чем его приятели успели приблизиться с флангов и тыла, чтобы замкнуть кольцо. Особого значения это не имело, разве что у Баклана появился небольшой запас времени, позволявший действовать без спешки, обдуманно и аккуратно – так, чтобы никого не покалечить или, упаси бог, не убить совсем. Милицию вызвать никто из обитателей окрестных домов, конечно, не отважится, не говоря уже о том, чтобы выйти и вмешаться в драку восемь на одного. Потом, когда на грязном асфальте найдут измороженное тело, они только руками разведут: да, вроде личность знакомая, из нашего подъезда, а вот кто его так отделал – извините, не видели. Спали, были на работе, телевизор смотрели... Зато, если найденное на стоянке тело будет принадлежать кому-то из нападавших, среди опрашиваемых милицией граждан непременно отыщется нибудь сука, которая укажет прямо на Баклана: вот этот, из триста восьмидесятой, его работа. Вяжите его, ребята! Да и потом, к чему брать на душу лишний грех? Их у него и так предостаточно...

Баклан слегка посторонился, пропустив мимо себя тяжелую биту, а потом, когда мощная инерция этого спортивного снаряда заставила нападавшего повернуться к нему боком, коротко и точно ударил его ногой по почкам. «Бейсболист» красиво прогнулся, уронил биту и опустился сначала на колени, а потом и на четвереньки. Как он ложится, Баклан смотреть не стал: ему было не до того, потому что тяжелая мотоциклетная цепь уже взлетела к темному небу и начала опускаться, со свистом рассекая сырой воздух.

Он нырнул под удар, приблизившись к противнику на дистанцию ближнего боя, и без затей ткнул его кулаком под вздох. Цепь с ненужной силой лязгнула об асфальт, выбив из него слабую бледную искру, и число нападавших сократилось до шести. В свете фонаря стремительно и опасно блеснул нож; уклонившись, Баклан пропустил руку с ножом у себя под мышкой, как капканом, намертво прижал ее локтем к боку и боднул противника головой в лицо. Залитая кровью физиономия опрокинулась и исчезла в темноте, а на смену ей появилась другая, по которой сержант запаса Луговой немедленно съездил фирменным хуком слева.

Увеселение было в разгаре. Кто-то придушенно верещал и барахтался, силясь высвободить зажатую у Баклана под мышкой голову; кто-то взмахнул тяжелой монтировкой и взвыл от боли, когда Баклан, перехватив его руку, резко заломил ее назад. Боль заставила беднягу согнуться пополам и развернуться почти на сто восемьдесят градусов. Баклан от души пнул его ботинком в услужливо подставленный зад, выпустил того, что сучил ногами и сдавленно матерился справа под мышкой, и ударил его локтем по загривку, заставив впечататься носом в асфальт.

Краем глаза он заметил неторопливо заруливающий на стоянку автомобиль. Это был темный «лендровер-дефендер» образца тысяча девятьсот семьдесят первого года – машина, о которой он когда-то страстно мечтал. Внедорожник остановился, из него начали выходить какие-то люди. Баклан принял это к сведению, решив, что нападавшие имели резерв и теперь этот резерв готовится вступить в бой. Это было скверно, хотя и лестно. Впрочем, люди из «лендровера» повели себя как-то странно: выйдя из машины, они не полезли в драку и не поспешили ретироваться от греха подальше, а просто стояли и смотрели, время от времени прожигая темноту красными огоньками сигарет.

Баклан ударил вполсилы, поскольку противнику уже было достаточно хорошего щелчка по лбу, вернулся в боевую стойку и вдруг обнаружил, что бить больше некого. Поле боя очистилось, лишь зачинщик драки, пьяно пошатываясь и держась одной рукой за ушибленные почки,

стоял метрах в пяти, прямо под фонарем. В другой руке у него что-то блеснуло, и, прежде чем эта рука плавно поднялась на уровень глаз, Баклан понял, что видит пистолет. Возможно, ствол был травматический, но это не так уж много меняло: ввиду специфики своей нынешней профессии Георгий Луговой внимательно следил за статистикой в данной области и знал, что количество смертельных жертв этого «оружия самозащиты» исчисляется уже десятками. Он напрягся, но понял, что не допрыгнет, встретившись с пулей на лету.

– Ну, сука, молись, – сказал стрелок, целясь Баклану в голову.

В это время что-то стремительно промелькнуло в воздухе, бешено вертясь, как пропеллер с хромированными лопастями или никелированный крестообразный бумеранг. Этот странный, прилетевший неведь откуда предмет с коротким тупым стуком ударил обидчивого стрелка по запястью сжимавшей пистолет руки. Послышался крик боли и характерный лязг упавшего на асфальт оружия; стрелок скорчился, прижимая к животу поврежденное запястье, Баклан шагнул в его сторону, и он, не разгибаясь, опрометью кинулся в темноту. «Убью, сука-а-а!» – донесся издали полный бессильной ярости вопль, и наступила тишина.

Потом послышался странный плеск, словно поблизости кто-то по старинке полоскал белье в большом корыте, и до Баклана не сразу дошло, что он слышит жидкие аплодисменты. Аплодировали те трое, что по-прежнему стояли около «лендровера». «Бумеранг», который, как теперь отчетливо видел Баклан, представлял собой всего-навсего крестообразный гаечный ключ для отвинчивания автомобильных колес, несомненно, прилетел именно оттуда. Георгий знал всего двоих, способных с такого расстояния поразить цель столь неподходящим метательным снарядом, как гаечный ключ. Один из них автоматически исключался, поскольку, если бы бросал он, запястье стрелка было бы раздроблено, а то и вовсе оторвано напроочь. У второго бросок всегда был слабее, но зато намного точнее. Прodelать такой фокус ему было раз плюнуть, но что с того? Ни тот, ни другой просто не могли здесь оказаться. Баклан даже не представляет, где они и что с ними, и они, конечно же, не имеют ни малейшего понятия о его нынешнем местонахождении и житье-бытье. Их появление здесь можно было бы смело считать чудом, а чудес в наш материалистический век, как известно, не бывает. Есть, правда, чудеса техники, но они не в счет...

Баклан взгляделся в темные, едва различимые против режущего света фар силуэты, не зная, благодарить ему незнакомцев за спасение или готовиться ко второй части «марлезонского балета».

– Нормально работает. Я же говорил, старый конь борозды не портит, – послышался с той стороны показавшийся знакомым голос.

– Какой конь? – удивился другой, тоже знакомый. – Я думал, баклан – это птица такая... с крыльями...

– Конь с крыльями, – подытожил третий. – Ныряющий Пегас.

– Сами вы пегасы, а я нормальный пацан, – механически огрызнулся Баклан.

В следующее мгновение из его груди вырвался нечленораздельный торжествующий вопль, и, перепрыгнув через чье-то невнятно матерящееся, вяло копошащееся в луже тело, сержант запаса Луговой сломя голову бросился навстречу своему прошлому, которое с хохотом и солеными шуточками шло к нему в сияющем ореоле света от включенных фар «лендровера».

* * *

Загородный дом генерал-майора Логинова представлял собой приземистый сруб из толстых дубовых бревен под высокой четырехскатной крышей из сверкающего свежим слоем алюминиевой краски железа. Бревна почернели от старости и непогоды, и ажурные резные наличники тоже были темными, словно подернутыми налетом пролетевших мимо десятилетий. Дом стоял на невысоком песчаном обрыве над тихой и темной, как легендарная Лета, лесной реч-

кой. Над ним глухо шумели под верховым ветром старые корабельные сосны, темный тесовый забор утопал в непролазных зарослях малинника и крапивы, которая, невзирая на приближение зимы, свежо и агрессивно зеленела, суля неосторожно забредшему в нее человеку массу неприятных ощущений.

У высоких, с мощными резными столбами ворот остановился кортеж из целых трех автомобилей, любой из которых в здешних глухих местах мог считаться верхом роскоши и шика. Самым скромным из них был пожилой «мерседес» хозяина; замыкавший колонну тяжелый джип охраны напоминал глыбу любовно отполированного мрака, а между ними благородно поблескивал сквозь слой дорожной грязи антрацитовым лаком бортов бронированный «майбах» господина Шапошникова – миллионера, политика, покровителя искусств и так далее, и тому подобное.

Затормозив перед воротами, генерал по привычке полез было из машины, но от джипа уже бежали, путаясь в жухлой некошенной траве и оскальзываясь на мокрой после недавнего дождя глине, двое охранников в одинаковых черных костюмах и белоснежных рубашках с однотонными галстуками. Один, не спрашивая разрешения хозяина, молча нырнул в калитку. Через мгновение со двора послышался скрежет и лязг отодвигаемого засова, створки ворот тяжело колыхнулись. Оставшийся снаружи охранник налег на них всем весом, разводя в стороны, и ворота неохотно отворились.

Наблюдая за этой процедурой, генерал про себя порадовался тому, что заранее предупредил своих постояльцев о предстоящем визите и строго-настрого запретил без команды высывать нос из дома. В противном случае охранники Шапошникова могли дорого заплатить за свою бесцеремонность, которую, очевидно, ошибочно принимали за неукоснительное соблюдение должностных инструкций.

Дождавшись, когда ворота откроются во всю ширь, Андрей Никитич загнал своего усталого «мерина» во двор и, приняв вправо, припарковал около дровяного сарая. Двор был просторный и почти пустой, но он всегда ставил машину в сторонке на случай приезда гостей. Сегодня гостей у него было хоть отбавляй, но шумного застолья, баньки и шашлыков, вопреки обыкновению, не ожидалось: случай был не тот, и крепко поджимало время.

Он вышел из машины и, оглядевшись, заметил выглядывающее из-за угла бани угловатое темно-синее рыло «лендровера». Занавеска на окне гостиной едва заметно шевельнулась, но на крыльцо никто не вышел: постояльцы генерала Логинова еще не забыли, что приказы надлежит не обсуждать, а выполнять.

Тяжелый «майбах» остановился рядом, прошуршав брюхом по высокой мокрой траве. Один из охранников, торопливо вытоптав в траве небольшую площадку, чтобы хозяин не замочил ноги, открыл заднюю дверь. Второй, сопя от натуги, закрывал ворота, за которыми остался джип. Прежде чем створки сомкнулись, Андрей Никитич успел заметить, что охрана Шапошникова растягивается редкой цепью вдоль забора. «Чудак, – подумал он о начальнике охраны. – Кому ты пыль в глаза пускаешь, от кого пытаешься уберечь своего драгоценного хозяина? Никого, кроме моих ребят, тут нет, а они не снаружи, а внутри охраняемого периметра. И потом, если они по какой-то причине вздумают чудить, от твоей охраны в два счета останутся рожки да ножи...»

Шапошников уже стоял около своего лимузина и, сунув руки в карманы плаща, критически обозревал генеральское хозяйство – старый дом, вросшую в землю баню, дровяной сарай и пустую собачью будку.

– Да ты, я вижу, и впрямь не ворует, – обратился он к Логинову.

Тон у него был ворчливый, а вид – сонный и недовольный, какой и полагается иметь «владельцу заводов, газет, пароходов», затемно поднятому с постели и увезенному к черту на рога по важному, но не особенно приятному делу.

– Грешен, – кротко признался генерал. – Пока в полковниках ходил, было не по чину, да и служба у нас, сам знаешь, не интендантская. А как в генералы выбился, столько дел навалилось – ужас! Ни тебе газетку желтенькую полистать, ни тебе жареный репортаж по телевизору посмотреть... Короче, полная информационная блокада. А откуда, если не из средств массовой информации, мне было узнать, что генералам воровать полагается? В армии меня другому учили – честь дороже, и так далее, и тому подобное, – а подчиненные, разгильдяи этикие, забыли предупредить. Спасибо, хоть ты подсказал. Я вот думаю: может, начать? Да только, боюсь, поздновато спохватился. Пока научишься, руку набьешь, глядишь, уже и в отставку пора. Да и посадят раньше.

– Непременно, – авторитетно подтвердил Шапошников. – С твоими умениями как пить дать посадят. Утром скрепку из собственного кабинета умыкнешь, а к обеду сядешь. Ну, vedi, показывай хозяйство. Останьтесь, – уже другим, приказным тоном резко бросил он охраннику, сделавшему движение в сторону дома.

Андрей Никитич указал на крыльцо и первым пошел к дому, оставляя за собой полосу примятой травы. Штанины брюк немедленно промокли почти до колена и украсились затейливым узором из прилипших травинок и семян.

– Не понимаю, – бормотал у него за спиной Шапошников, – кой черт понес меня на эти галеры? Неужели нельзя было обойтись без меня?

– Нельзя, – не оборачиваясь, сказал генерал. – Во-первых, ты должен сам взглянуть на личный состав и провести инструктаж. А во-вторых, им тоже не помешает на тебя посмотреть и послушать, что ты скажешь. В разговоре со мной, не в обиду будь сказано, ты напустил-таки туману. Я лично на подробностях не настаиваю: меньше знаешь – крепче спишь. Но я – это я, а ребятам с твоей подачи голову под топор класть. И без государства за спиной, заметь, на свой страх и риск. Поэтому решать не мне и не тебе, а им. Согласятся с неполной колодой ва-банк идти – твое счастье, не согласятся – думай сам.

Шорох шагов у него за спиной стих – Шапошников остановился.

– Не понял, – сказал он изумленно. – Ты что, торгуешься со мной?

– Нет, – коротко ответил Андрей Никитич. – Ну, что стал, господин олигарх? Шевели своей буржуйской задницей! Ты ведь ценишь свое время на вес золота, да и дело у тебя спешное. Поэтому давай без мелодрамы и риторических вопросов. Люди должны знать, на что идут. И зачем.

– Люди, – недовольно проворчал Шапошников. – Люди твои – это, Андрюша, отдельный разговор. Я просмотрел их досье и, честно говоря, не понял твоих резонов. Что это за команда такая: физрук, трудовик и вышибала? И дважды майор для комплекта... Я ведь, кажется, просил...

– Ты просил, – согласился Логинов. Он остановился, дойдя до крыльца, и повернулся к старому другу лицом. – Ты просил, я выполнил. Не нравится – ступай в другое место, а я умываю руки. Только предупреждаю: лучших ты не найдешь. По крайней мере, если будешь продолжать действовать неофициально, не прибегая к помощи компетентных органов и структур.

– Черт, – пробормотал Шапошников, – я уже и забыл, как это, оказывается, погано – от кого-то зависеть.

– Сочувствую, – без тени сочувствия произнес генерал и, поднявшись на крыльцо, открыл тяжелую дубовую дверь.

Люди, от которых с некоторых пор зависел миллионер Шапошников, сидели за круглым столом в комнате, добрую четверть которой занимала большая, выложенная изразцами русская печь. От печи исходило ровное сухое тепло, в полумраке мерцал цветным экраном и приглушенно бормотал работающий телевизор. Вслед за Шапошниковым переступив порог, генерал Логинов щелкнул выключателем, и под низким потолком зажглась затененная оранжевым матерчатым абажуром лампа. Накрытый белой скатертью стол стоял прямо под ней;

на столе лежала газета с наполовину разгаданным кроссвордом и шариковая ручка. Это зрелище мимолетно порадовало Игоря Михайловича, который, грешным делом, опасался увидеть бутылку водки и немудреную закуску – какие-нибудь соленые огурцы, колбасу или банку кильки в томате.

Люди генерала Логинова поднялись со стульев, приветствуя начальство. Все четверо были, как на подбор, рослые и крепкие – одно слово, десантники. Шапошников подавил вздох: если бы исход дела зависел только от их телосложения и физической подготовки, все было бы намного проще. Эти парни умели без ущерба для здоровья ломать об головы кирпичи, но в данном случае важнее было содержимое этих голов, чем прочность черепов. Впрочем, Логинов сказал правду: выбирать не приходилось. Оставалось только целиком довериться старому приятелю в расчете на то, что он хорошо знает своих бывших подчиненных и не ошибся в выборе. А если ошибся – что ж, все когда-нибудь кончается, в том числе и удача, и деньги, и даже жизнь.

– Садитесь, – сказал своим людям генерал. – Полагаю, нужды в представлениях нет. Игоря Михайловича вы все знаете, а ваши досье им изучены.

Шапошников, не снимая пальто, присел на свободный стул и испытующе оглядел сидевшую напротив четверку. Они были и похожи, и не похожи на свои фотографии, так что он далеко не с первого взгляда разобрался, кто есть кто. Без труда от других можно было отличить разве что Быкова, потому что он был заметно старше – не пожилой, нет, но матерый и, судя по пристальному взгляду прищуренных глаз, далеко не глупый.

Быков промолчал, и остальные тоже не проронили ни словечка, хотя Шапошников ожидал, что кто-нибудь из них изумится: дескать, я и не знал, что на нас имеются досье! Но ничего подобного не прозвучало, из чего следовало, во-первых, что все они не дураки, а во-вторых, хорошо понимают серьезность момента.

– Могу лишь добавить, – продолжал Андрей Никитич, – что господин Шапошников в свое время, как и вы, проходил срочную службу в воздушно-десантных войсках. Мы вместе воевали в Афганистане, так что... – Он развел руками. – Собственно, на этом моя речь закончена, а роль сыграна. Может, чайку организовать?

– Уволь, – отказался Шапошников.

– В другой раз, – согласился с ним Быков.

– А жаль, – подал голос Якушев. – Сроду меня генералы чайком не потчевали.

– Заработай сперва, – сказал ему Баклан.

Жук промолчал, ограничившись легкой неопределенной усмешкой: он явно не любил попусту сотрясать воздух, высказывая мнения, которые никого не интересуют и никем не будут приняты в расчет.

– Вероятно, у вас ко мне имеются вопросы, – сказал Шапошников, после короткого совещания с самим собой приняв единственно возможное решение. – Я готов на них ответить – по крайней мере, на те из них, которые имеют прямое отношение к делу. Я и приехал-то сюда исключительно для этого.

– Вопросы имеются, – кивнул Быков. – А решать, какие из них относятся к делу, а какие не относятся, будете вы?

– Разумеется, – в свою очередь кивнул Шапошников. – Вот этот, например, не имеет к делу ни малейшего отношения. Итак?..

Быков усмехнулся, отдавая должное твердости его характера. Впрочем, в этом-то как раз не было ничего удивительного: рохля может родиться богачом, получив все, чего душа пожелает, от родителей, но стать богатым, начав бизнес с нуля, может только человек со светлой головой и железной хваткой.

– Хорошо, – сказал он. – Вопросов много, нам известно только, что мы должны найти какого-то человека, бесследно пропавшего по дороге в Москву. Больше мы не знаем ничего,

поэтому, наверное, будет неплохо, если вместо игры в вопросы и ответы вы прочтете нам что-то вроде небольшой лекции – кто он, зачем ехал, откуда, почему... ну, словом, все, что посчитаете нужным сказать. А если по ходу дела возникнут дополнительные вопросы, я их вам задам.

– Согласен, – сказал Шапошников, пошире распахивая пальто: в комнате было тепло. – Только лекцией это не назовешь. Интересующего нас человека зовут Магомедом Расуловым. Его фотографию вы получите. Мы вместе служили в армии, с тех пор и дружим. У нас есть кое-какие общие интересы – как вы понимаете, деловые. Он ехал из Махачкалы в Москву, чтобы встретиться со мной и кое-что обсудить, а потом перестал отвечать на телефонные звонки и до сих пор не объявился. Это случилось вчера в первой половине дня. Времени прошло уже предостаточно, но никаких известий о нем все еще нет. Мои люди уже проверили все больницы и отделения милиции, расположенные вдоль маршрута, но никаких следов Душмана... э-э-э... Расулова обнаружить не удалось. Он исчез вместе с охраной и двумя автомобилями, и это очень скверно, потому что у себя на родине он – уважаемый человек, старейшина. Если он погибнет, уладить дело с дагестанцами будет очень непросто. Это грозит большими неприятностями, и не мне одному. Магомед – фигура такого масштаба, что, умело обыграв его исчезновение или гибель, можно заставить Дагестан всерьез взяться за оружие. А Дагестан, как вы, несомненно, знаете и без меня, это не Чечня и не Ингушетия. Это центр просвещенного исламизма, душа и сердце Северного Кавказа. Если поднимется Дагестан, новой большой войны на Кавказе не миновать. Поэтому Расулова нужно найти во что бы то ни стало. И лучше живым. Потому что, как я уже сказал, в случае его смерти неприятности будут не только у меня. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

– Но далеко не все, что знаете, – констатировал Быков.

Некоторое время Шапошников внимательно смотрел ему в глаза. Убедившись, что играть в гляделки с майором ВДВ бесполезно, он окинул взглядом остальных, интересуясь их реакцией на происходящее. Генерал Логинов сочувственно улыбался; Жук слушал внимательно, с непроницаемым выражением лица, Якушев хмурился и задумчиво шевелил бровями, перебирая полученную информацию, и только Баклан, казалось, дремал с открытыми глазами: все эти разговоры были ему скучны и неинтересны, он привык во всем полагаться на командира, выполняя конкретные боевые задачи в рамках спланированных кем-то другим операций.

– Знаю я, конечно, много, – сдержанно согласился с майором Шапошников. – Но, во-первых, не все, что я знаю, следует знать вам, а во-вторых, у нас просто нет времени на долгие отвлеченные разговоры. Я рекомендовал бы вам начать проверку с недругов Расулова дома, на Кавказе. А любую дополнительную информацию, в которой возникнет нужда, вы получите по ходу дела – на то и телефон.

– Так мы не договоримся, – спокойно сообщил Быков. – Если вы действительно воевали, то должны понять, о чем я говорю. Действовать вслепую мы не станем, тем более при таких обстоятельствах. Согласитесь, все это выглядит довольно подозрительно. Пропал человек, ваш друг и деловой партнер, да к тому же, по всему виду, важная шишка. А вы, вместо того чтобы обратиться к действительно компетентным людям, сколачиваете команду из бывших спецназовцев, которых в случае чего никто не хватится...

– Опомнись, Роман, что ты такое несешь? – вмешался генерал Логинов. – По-твоему, я тебя подставляю?

– Я в это не верю, – все так же невозмутимо ответил майор, – но пока что все выглядит именно так. Впрочем, я все еще кадровый офицер. И, если будет приказ...

– Приказа не будет, – проворчал Андрей Никитич. Повернувшись к Шапошникову, он развел руками: – Видал?

– Хорошо, – вздохнул тот. – Какая дополнительная информация вас интересует?

– Например, хотелось бы знать, по какому именно делу Расулов ехал в Москву, – сказал Быков. – Меня не интересуют ваши коммерческие секреты, но вы же явно имели в виду что-то

вполне конкретное, говоря, что поиски нужно начинать именно в Дагестане, а не в Москве или Саратове. Значит, поиски конкурентов вы не то чтобы совсем исключаете, но рассматриваете далеко не в первую очередь.

– А я знаю, – опередив задумавшегося над ответом Шапошникова, неожиданно встрял Жук. – Производство в Махачкале, верно?

Шапошников с удивлением посмотрел на него. Насколько ему было известно, Валерий Жуков, по прозвищу Жук, до вчерашнего дня работал учителем труда в небогатой средней школе. Да и там он обитал, что называется, на птичьих правах, поскольку в его личном деле начисто отсутствовало упоминание о полученном им высшем образовании. И вот теперь этот трудовик, о котором господин Шапошников буквально несколько минут назад в разговоре с Логиновым отозвался вполне пренебрежительно, демонстрировал не только осведомленность, но и способность делать правильные выводы на основании далеко не полных предпосылок.

– В целом верно, – сказал Игорь Михайлович. – А откуда вы это знаете, если не секрет?

Жук молча указал большим пальцем через плечо в угол, где по-прежнему бормотал и переливался неестественными цветами старенький телевизор.

– Все средства массовой информации уже неделю трубят о вашем намерении построить в Махачкале какое-то предприятие, – сказал он. – Ясно, что затевать такое дело без солидной поддержки на месте – дохлый номер. Этот ваш Душман, по всей видимости, и обеспечивал вам такую поддержку – скорее всего, не один. И каждый старейшина или чиновник местной администрации, которого ему удалось уговорить встать на вашу сторону, надо полагать, рассчитывает получить определенный процент от будущих прибылей или просто солидный откат. Ясно также, что это нравится не всем – в первую очередь там, в Махачкале. Кому-то не досталось ни крошки от этого пирога, а кому-то ваш пирог просто поперек глотки.

– Недурно, – кивнул Шапошников. – Интересно, что еще вам ясно?

– Еще мне ясно, зачем и почему вы обратились к нам, а не в Следственный комитет России или ФСБ, – с холодной улыбкой сказал Жук. – Версия о причастности земляков Расулова к его похищению представляется наиболее правдоподобной, но она не единственная. Организатор акции может оказаться высокопоставленным сотрудником той самой силовой структуры, в которую вы обратитесь за помощью. Это была бы разновидность русской рулетки, а с учетом межведомственных связей и личных отношений между господами генералами и их подчиненными ваши шансы найти Расулова и при этом не вынести сор из избы автоматически свелись бы к нулю. Поэтому среди всех генералов, которых знаете лично, вы выбрали того единственного, которому доверяете, как себе. Служит он не совсем по тому ведомству, которое занимается такого рода делами, но вы решили рискнуть, предпочтя некомпетентность предательству.

– Bravo, – сказал Шапошников. – Я постоянно втолковываю своим менеджерам по подбору персонала, что высшее образование и ум – далеко не одно и то же.

– Голова, – изумленно протянул Якушев, подумав при этом, что Жук напрасно демонстрирует козыри до начала игры. Мало ли кто что понимает! Был бы Шапошников так прост, как хочет казаться, не стал бы олигархом. Поэтому лучше помалкивать и мотать на ус то, что говорят другие, чем пытаться поразить воображение присутствующих своими феноменальными мыслительными способностями...

Баклан непроизвольно зевнул, прикрывшись ладонью, и покосился на телевизор. По телевизору передавали глупую американскую комедию, которая явно интересовала его гораздо больше, чем происходящий в комнате разговор.

– Язык у этой головы длинноват, а так ничего, варит, – вторя мыслям Юрия, согласился с присутствующими Быков.

– Мне другое непонятно, – признался Жук, обращаясь к Шапошникову. – Из всего, что известно о вас широкой общественности, следует, что вы человек в высшей степени деловой, неглупый и прагматичный. Организовывать производство в Дагестане, особенно сейчас, –

это все равно что жонглировать факелами, стоя на пороховой бочке. При этом не надо быть экономистом, чтобы понять: ничего такого сверхприбыльного вы там не постройте – так, мелочь, крошечный плацдарм для будущих свершений, которые, прямо скажем, вилами по воде писаны. А откатов местным аксакалам придется раздать столько, что реализация проекта не сулит в перспективе ничего, кроме сплошных убытков. Отсюда вопрос: зачем вам это понадобилось?

– Вот это уж точно не имеет никакого отношения к делу, – заявил Шапошников.

– Так уж и не имеет? – хмыкнул Быков, который говорил куда меньше своего бывшего подчиненного, зато соображал явно не хуже. – Два умных, уважаемых человека, два бизнесмена и старых друга затевают совместное предприятие – не только заведомо убыточное, но еще и связанное со смертельным риском. Вопрос «зачем?» напрашивается сам собой, а нежелание на него отвечать опять наводит на неприятную мысль, что нас пытаются использовать втемную, чтобы нашими руками провернуть какую-то дурно пахнущую махинацию. Может, вы с Расуловым вдвоем придумали всю эту историю только затем, чтобы мы с ребятами поголовно вырезали всех его кровников? А он сейчас сидит в каком-нибудь укромном пятизвездочном местечке, хлещет коньяк «экстра олд» и хихикает в ладошку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.